
ОГОНЁК
№ 40 ОКТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Л. С. Кассис. ПЕКИН. ВОРОТА УПАЙЛОУ НА УЛИЦЕ ЦЯНЬМЫНЬДАЦЗЕ

На первой странице обложки: Артистки Шаосинской оперы (Шанхай) и советские артистки на прогулке по каналу имени Москвы. На снимке: лауреат премии Чести, артистка Юань Сюэ-фэнь, народная артистка СССР О. В. Лепешинская, артистка Сюй Юй-лань и солистка Большого театра М. Н. Звездина.

Фото Я. Халипа.

На последней странице обложки. Сплав леса на Северной Двине.

Фото Н. Драчинского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 40 (1477) 2 ОКТЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЛАВНЫЕ ДЕЛА

Есть в Китае древняя легенда о Юй Гуне, который передвинул горы. В далекие-далекие времена южнее Цзичжоу и севернее Хэяна стояли горы Тайханшань и Ванушань окружностью в 700 ли, а высотой в 10 тысяч жэней. У подножия гор жил девяностолетний старик Юй Гун. Досадуя, что горы преграждают путь на юг и приходится всякий раз обходить их, он собрал всех своих домашних и предложил: «А что, если мы не пожалеем сил, снесем эту преграду и откроем прямую дорогу на юг?» Домашние согласились, и работа началась. Увидел это другой старик, Чжи Соу, и, смеясь, стал отговаривать Юй Гуна: «Эх, и прост же ты! Ведь ты стар и слаб; где тебе справиться с такой массой земли и камней?» Юй Гун вздохнул и ответил: «Туго же ты соображаешь, хуже, чем дитя вдовы! Пусть я умру — останутся дети, родятся внуки, а у внуков будут свои дети, и у тех будут сыновья и внуки. Так поколение за поколением пойдут бесконечной чередой, а горы-то расти не будут; так почему же нам их не срыть?» Легенда рассказывает, что бог, тронутый усердием Юй Гуна, повелел перенести горы в другое место. С тех пор от Цзичжоу и до самого берега реки Хань больше нет горных преград.

В 1945 году Мао Цзэ-дун, напомнив эту легенду делегатам седьмого съезда Коммунистической партии, сказал: «Сейчас тоже две большие горы давят своей тяжестью на китайский народ — одна из них называется империализмом, другая — феодализмом. Коммунистическая партия Китая уже давно решила срыть эти горы. Мы должны настойчиво проводить в жизнь свое решение, мы должны неустанно трудиться, и мы тоже растрогаем бога; а бог этот — не кто иной, как китайский народ. А если весь народ поднимется, чтобы вместе с нами срыть эти горы, то неужели мы их не сроем?»

Некоторое время тому назад под сводами зала Хуайжэньтан в Пекине я присутствовал на второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей. Депутаты приехали из крупных промышленных центров и небольших сел. Одни добирались сюда поездом, и дорога заняла у них всего несколько часов, другие, например, депутаты Тибета, потратили на поездку около месяца.

Как и в прошлом году, на первой сессии Всекитайского Собрания народных представителей, депутаты сидели по «алфавиту», то есть по количеству черточек в фамильном иероглифе. И поэтому нам, журналистам, из ложи прессы нетрудно было находить своих старых знакомых...

Доклад заместителя премьера Государственного совета и председателя планового комитета КНР товарища Ли Фу-чуня продолжался два дня. Хотя текст доклада и был роздан депутатам заранее, но, слушая докладчика, они старались не пропустить ни одного слова. Депутаты от национальных меньшинств придерживали руками наушники: доклад одновременно переводился на четыре языка: тибетский, монгольский, уйгурский и мяо.

В притихший зал летели взволнованные слова:

— Мы уже завоевали для себя новый Китай. Для того, чтобы сохранить и укрепить этот новый Китай, мы должны с напряжением всех своих сил осуществлять экономическое строительство, важнейшей частью которого является строительство, связанное с социалистической индустриализацией.

«Мы уже завоевали для себя новый Китай». Несколько коротких слов, но как много надо было совершить, какие приложить усилия, чтобы спустя шесть лет после победы сделать такое заявление перед лицом своего народа, перед лицом всего мира!

Мудрая китайская пословица гласит: «Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага».

Нелегко было сделать этот первый шаг. Лежали в развалинах заводы, ржавело искореженное взрывами оборудование, годное разве только на переплавку.

В стране не хватало продовольствия, год от года падала урожайность полей, нищало и без того бедное и многострадальное китайское крестьянство.

Каких только предсказаний не делалось тогда в стане врага по поводу дальнейшей судьбы Китая! Враги прямо говорили: хотя коммунисты и добились побед на военном фронте, они непременно потерпят поражение на фронте экономическом. Однако предсказатели ошиблись...

Через три года был завершен период восстановления. Появилась возможность начать широкое экономическое строительство на основе длительного планирования.

И вот перед нами грандиозная пятилетняя программа.

Основные задачи плана в промышленности — строительство 694 крупных промышленных пред-

В полевом стане обсуждается пятилетний план КНР.

Первый поезд идет из Чэнду по строящейся дороге Чэнду — Баоцзи.

Постоянно на всей громадной территории Китая неутомимые геологи ведут разведку полезных ископаемых.

приятий, включающих в себя 156 объектов, создающихся с помощью Советского Союза.

Подводя итог основным задачам пятилетнего плана в области промышленности, товарищ Ли Фу-чунь отметил, что, несмотря на быстрые темпы, уровень развития Китая какое-то время будет еще отставать от уровня некоторых буржуазных стран, но добавил:

— Мы можем с уверенностью сказать, что для того, чтобы догнать или перегнать уровень их промышленного производства, нам не потребуется ста лет. Нам хватит нескольких десятков лет. Нам потребовалось только пять лет, чтобы перегнать на несколько десятков лет уровень промышленности Китая времен господства реакционной гоминдановской клики.

Какой бы раздел пятилетнего плана вы ни взяли, во всем чувствуется большой размах. К концу пятилетки будут созданы 194 машинно-тракторные станции, 91 механизированное государственное хозяйство. В 1959 году на поля выйдут первые тракторы отечественного производства. Какое это будет большое событие в жизни китайской деревни, где вплоть до освобождения самой сложной машиной казался двухлемешный плуг да девятирядная сеялка!

...Составной частью пятилетки является перспективный план обуздания реки Хуанхэ. За этой «младшей сестрой Янцзы» недаром закрепилось прозвище «горе Китая». Теперь решено превратить Хуанхэ в «ступенчатую реку»: 46 плотин позволят регулировать ее режим. Гигантские водохранилища будут вмещать в себя миллиарды кубометров воды в период дождей и отдавать ее полям в жаркое время. «Горе Китая» — Хуанхэ станет источником радости и богатства.

Пятилетний план получил одобрение всего китайского народа. Народ поднялся на борьбу за его осуществление.

* * *

Шесть лет тому назад народ срыл две большие горы, давившие на него своей тяжестью, и открыл себе дорогу к солнцу. Каждый шаг вперед приближает его теперь к великой и светлой цели. Миллионы и миллионы людей в Китае с гордостью повторяют ставшие уже крылатыми слова: «Мы творим самые славные и великие дела, которые никогда не свершали наши предшественники».

М. ДОМОГАЦКИХ

Пекин.

Фото агентства Синьхуа.

Судостроительная верфь в Кантоне, вступившая в строй в апреле нынешнего года.

Кузница рабочих кадров

— Ну, как дела? — спрашивает Павел Григоров у юных ремесленников.

Почти все готово к празднику в 1-м ремесленном училище при Автозаводе имени Сталина. Приближается «день рождения» училища — 15 лет со дня открытия. К этой дате готовятся не только ребята, которые там учатся, но и многие рабочие ЗИСа.

Ежегодно училище кончает 450 человек, и большинство из них остается работать на «своем» заводе, там, где работают их отцы и матери.

Петр Яковлевич Фокин, бывший мастер завода, вот уже девять лет обучает ребят. В эту осень у него опять новички. В учебные мастерские пришли вихрастые пареньки, для которых слово «резец» — туманное понятие, токарный станок еще внушает им робость: боязно подступиться. Но вот прошел всего месяц — и многое изменилось. По-детски сопя и шмыгая носом, будущий рабочий уже смело и довольно проворно орудует инструментом. Из-под резца, установленного Славой Анисимовым, быстро бежит стружка, умело обращается со станком Сережа Давыдов.

Многие из тех, кто уже трудится на заводе, стали передовиками цеха, но дорогу в свое училище, к своим мастерам не забыли.

В училище постоянно стекаются новости: «А Володя Шульц уже 800 рублей получает», «Леня Караванов ведь только кончил и уже 5-й разряд получил», «Слыхали: Губейдулов Ахмед — скоростник!»

Частый гость в училище и Павел Григоров. С тех пор, как он пришел по гудку на свою первую трудовую вахту, прошло четыре года. Теперь он наладчик в арматурном цехе, у него хороший заработок — 1 200—1 400 рублей в месяц. Сегодня Григоров зашел узнать, в котором часу надо явиться на торжество. А торжество значительное: в этот день не только юбилей 1-го ремесленного училища, но и пятнадцатилетие трудовых резервов.

2 октября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о создании государственной системы трудовых резервов. Открылись тысячи школ ФЗО, ремесленных училищ и впоследствии — технических училищ.

Только в Москве имеется 60 школ трудовых резервов; их выпускники трудятся на заводах «Динамо», «Красный пролетарий», Первом подшипниковом имени Л. М. Кагановича, на сотнях других предприятий и строек. Многим известны имена лауреатов Сталинской премии сталевара завода «Серп и молот» В. К. Михайлова, мастера станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе Ю. И. Дикова. Они вышли из дружной семьи воспитанников трудовых резервов.

Р. ЛИХАЧ

Маршал Советского Союза Александр Михайлович ВАСИЛЕВСКИЙ. К 60-летию со дня рождения.

Фото Г. Вайля.

Строительство моста через реку Янцзы

В Китае, у города Ухань, начато строительство грандиозного железнодорожно-шоссейного моста через многоводную и быструю реку Янцзы. Пересекая центральную часть страны, река делит ее на две части: северную и южную.

Ухань является важнейшим промышленным центром и транспортным узлом Центрального Китая. Здесь перекрещиваются водные, железнодорожные и шоссейные пути. Через Ухань грузы и пассажиры направляются во все концы страны. Но отсутствие прямого сообщения через Янцзы создает большие трудности: огромная масса грузов переправляется через широкую реку на паромах, джонках и паровых судах, пассажирам приходится делать пересадку. Строительство моста стало крайней необходимостью в общем пятилетнем плане экономического строительства страны.

Длина моста будет 1 700 метров, высота — 80 метров. В течение круглого года под мостом смогут свободно проходить пароходы водоизмещением до 10 тысяч тонн.

Мост будет двухъярусным: по верхнему ярусу смогут в несколько рядов проходить грузовые автомашины, а по краям — пешеходы; по нижнему ярусу протянется двухколейная железная дорога.

Строительство сопряжено со значительными трудностями: глубина реки здесь достигает 30 метров, а скорость течения — 3 метров в секунду. Весьма сложно также геологическое строение дна реки.

На стройке работают инженеры, техники, рабочие, прибывшие сюда со всех концов страны. С первых же дней они взяли высокие темпы строительства.

Пройдет несколько лет, и через реку прямым ходом пойдут грузы для промышленных предприятий и новостроек второй пятилетки. Мост сыграет огромную роль в дальнейшем развитии народного хозяйства КНР.

На фото слева:

Проект Уханьского моста.

Спуск на дно реки каркаса опоры второго пролета Уханьского моста.

Н. ПРОЦЕНКО

БЕСЕДА С ПЬЕТРО НЕННИ

Пьетро НЕННИ.
Фото Б. Кузьмина.

В расстегнутом плаще, со шляпой в руке, Пьетро Ненни стремительно вошел в номер гостиницы, и сразу просторная комната показалась меньше, лишилась своей гостиничной строгости. Он энергично протянул руку, здороваясь, приветливо закивал головой:

— «Огонек», «Огонек»! В последний раз я встречался с вашим журналом в качестве автора три года назад, когда был в Москве.

Он садится на диван, кладет большие спокойные руки на стол.

— Я жду вопросов.— Из-за толстых стекол очков смотрят веселые внимательные глаза.

Мы просим Пьетро Ненни рассказать, что нового он увидел в Москве.

— Ну, прежде всего, конечно, о самом городе,— начинает Ненни.— За эти годы он очень изменился. Мне это заметнее, чем вам, постоянно живущим здесь. Москва стала наряднее, шире. Много новых зданий, которых я не видел тогда. Город стал как-то богаче выглядеть. Это относится и к жителям. Даже простому наблюдателю ясно, что за это время, видимо, значительно повысился жизненный уровень советских людей.

В двух словах об этом можно сказать так: скачок вперед. И это, я знаю, не неожиданный скачок, а просто один из моментов развития вашей страны после Октябрьской революции.

На этот раз я в Москве проездом,— продолжает он.— Я пробыл всего несколько дней здесь и сегодня ночью уезжаю дальше — в Китай. Поэтому я не могу систематизировать своих впечатлений. Я буду говорить о том, что меня взволновало больше всего.

Пьетро Ненни берет в руки карандаш и несколько мгновений задумчиво постукивает им по столу.

— Впервые в жизни я был в квартире-музее Владимира Ильича Ленина. Это запомнится навсегда. Я имею в виду ту скромную обстановку, в которой жил этот великий человек, я имею в виду сочетание настоящей человеческой скромности с гениальностью народного вождя.

Теперь о сельскохозяйственной выставке... Вы извините,— Пьетро Ненни весело смеется,— что я так неожиданно перескакиваю с темы на тему, но я уже объяснил: слишком много впечатлений. Так вот: выставка великолепна. Я был там всего несколько часов, осмотрел ее весьма поверхностно, но могу еще раз повторить уверенно: она великолепна. И прежде всего, конечно, павильон механизации сельского хозяйства. Я бродил между машин, и мне вспомнился кадр из какой-то советской кинокартины, уж не помню точно, какой. Там показано, как испытывается первый советский трактор. И я подумал: как же далеко шагнула страна, в которой три с половиной десятка лет назад мечта о тракторе была смелой мечтой!

Я, пожалуй, не буду перечислять дальше свои впечатления и остановлюсь только на одном вопросе, уже касающемся международного положения вашего государства и города, в котором я сейчас нахожусь.

Ненни откладывает в сторону карандаш и продолжает чуть медленнее, делая паузы после каждой фразы:

— Я, человек, не живущий в СССР, могу сказать: десятки лет Москва притягивала к себе взоры людей, поставивших интересы рабочего класса и трудящегося крестьянства выше своих собственных... В этом смысле она — столица мира. Теперь к Москве тянутся взоры ВСЕХ, кто хочет мира, независимо от их политических взглядов или социального положения. И сейчас с еще большей уверенностью, в еще более широком смысле можно говорить о Москве как о столице, где создается мир.

В связи с последними словами Пьетро Ненни мы просим его высказать свое мнение о нынешней международной обстановке.

— За последнее время,— отвечает Пьетро Ненни,— она значительно смягчилась. После Женевы началась новая фаза международных отношений.

Меня, как вице-председателя Всемирного Совета Мира, это заставляет с гордостью вспомнить, что впервые идею встречи «большой четверки» выдвигал Всемирный Совет Мира на одной из своих сессий еще в 1951 году.

И мне хочется подчеркнуть, что инициатива в этом отношении принадлежала прежде всего Советскому комитету защиты мира. Тогда многие относились к подобной идее как к утопической, но теперь даже самые отъявленные скептики признают успех сил мира.

— Каковы теперь задачи движения в защиту мира?

— Видите ли, движение в защиту мира, конечно, добилось очень крупных побед,— говорит наш собеседник,— международная обстановка в большой степени смягчилась. Но это не все. Угроза миру еще существует. И задача движения миролюбивых народов — закрепить достигнутые успехи и уничтожить до конца угрозу войны.

В этой связи мне хочется сказать о Китае,— продолжает Ненни,— куда я направляюсь сейчас со своими товарищами. Моя поездка в Китай — это не увеселительная туристская экскурсия, это не только дань уважения славным традициям Китайской революции. Это прежде всего поездка с целью улучшения отношений между нашими странами. Китай, огромная страна, населенная великим народом, вместе с Индией представляет почти всю Азию. Поэтому вклад Китая в дело достижения мира может быть решающим. Но для этого надо предоставить Китаю законное право наравне со всеми решать международные проблемы в Организации Объединенных Наций. То, что происходит до сих пор,— большая ошибка.

Время нашей беседы истекает. На прощание мы спрашиваем Пьетро Ненни, что бы он хотел передать читателям журнала «Огонек».

— Читатели «Огонька» — мои старые друзья,— улыбается Ненни.— Передайте им, пожалуйста, как и всем советским людям, мои пожелания больших успехов в жизни, труде, в борьбе за мир, в борьбе за строительство передового человеческого общества.

Г. БОРОВИН

Члены английской сельскохозяйственной делегации у гостиницы «Москва».
Фото Е. Тиханова.

Дж. Ньюджент: «Мы очень рады посетить СССР»

В Советском Союзе по приглашению Советского правительства гостит английская сельскохозяйственная делегация. Ее возглавляет парламентский секретарь министерства земледелия, рыболовства и продовольствия Дж. Ньюджент.

По прибытии в Советский Союз Дж. Ньюджент заявил корреспонденту «Огонька»:

— Мы очень рады посетить вашу страну и с большим интересом познакомимся с вашим сельским хозяйством. Мы с удовольствием принимали у себя на родине советскую сельскохозяйственную делегацию. Нам будет очень приятно, если мы сможем произвести такое же хорошее впечатление здесь, какое произвела в Англии советская делегация специалистов сельского хозяйства. По нашему мнению, взаимный обмен делегациями может принести добро для установления дружеских отношений между нашими странами.

В составе английской делегации ученые — специалисты различных отраслей сельского хозяйства, представители национального союза фермеров, представители профсоюзов. Делегацию сопровождают корреспонденты газеты «Ньюс кроникл», по инициативе которой была организована поездка советской сельскохозяйственной делегации в Великобританию.

В состав делегации входят также четыре победителя конкурса, организованного газетой «Ньюс кроникл». Задача, предложенная газетой своим читателям, заключалась в составлении наилучшего маршрута для предстоящего посещения Англии Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущевым. Конкурс, в котором приняло участие большое количество людей, показал широкий интерес англичан к предстоящей поездке в Англию советских руководителей.

Корреспондент «Огонька» беседовал с четырьмя «счастливцами», премированными поездкой в Советский Союз. Все они очень рады, что им представилась такая возможность. Один из них, мистер Снизби, садовод по профессии, интересуется успехами советских садоводов. Другая победительница конкурса, миссис Унттон, работающая на одной из ферм, хочет ознакомиться со «знаменитым московским метро», побывать в Доме моделей, увидеть игру футболистов «Спартака».

Совместно с руководителями Министерства сельского хозяйства СССР члены английской делегации выработали обширную программу ознакомления с сельским хозяйством и жизнью Советского Союза.

А. СЕРБИН

Вдоль берегов Черного моря

Группа туристов в Одессе перед посадкой на пароход «Петр Великий».
Фото Я. Левита.

В списке международных туристских линий появилась еще одна — вдоль берегов Черного моря. Первый рейс по этой линии совершил пароход «Петр Великий». На его борту большая группа болгарских, польских, румынских и чехословацких туристов — всего около 350 человек.

В Одессе туристы осмотрели достопримечательности города, курорты, санатории, посетили Украинский экспериментальный институт глазных болезней имени В. П. Филатова, где встретились с выдающимся ученым, Героем Социалистического Труда Владимиром Петровичем Филатовым.

Кроме Одессы, туристы ознакомятся с Ялтой, Сочи, Сухуми, Батуми.

П. ЗИБЕРТ

В БУДАПЕШТЕ И В МОСКВЕ

Советских и венгерских футболистов связывает давняя спортивная дружба. Первые встречи между ними состоялись еще в 1947 году. Тогда в Будапеште побывала команда «Торпедо» и провела там три матча.

В следующие годы футболисты двух стран встречались еще восемь раз, а прошлой осенью впервые состоялся матч сборных национальных команд — в Москве играли первые составы, в Будапеште — вторые. Как известно, молодая сборная команда СССР в борьбе с олимпийским чемпионом и призером мирового первенства — сборной командой Венгрии — сыграла вничью (1 : 1), а вторая сборная СССР добилась победы (3 : 0).

И вот пришел день новой встречи. 25 сентября в Будапеште, на переполненном до отказа Народном стадионе, перед лицом любителей футбола почти всех европейских стран, среди которых были и многочисленные советские болельщики, снова встретились первые сборные команды Венгрии и СССР. И снова борьба двух равноценных соперников закончилась со счетом — 1 : 1.

Встреча вторых сборных в Москве принесла победу советским футболистам — 4 : 2.

Фото М. и Н. Волковых, А. Бочинина.

Народный стадион Будапешта. Команды Венгрии и СССР выстроились на поле.

Москва. Судьи К. Галба (Чехословакия), Г. Хазбенд (Англия) и А. Врбовец (Чехословакия).

Капитаны первых сборных команд Ференц Пушкаш (слева) и Игорь Нетто обмениваются вымпелами.

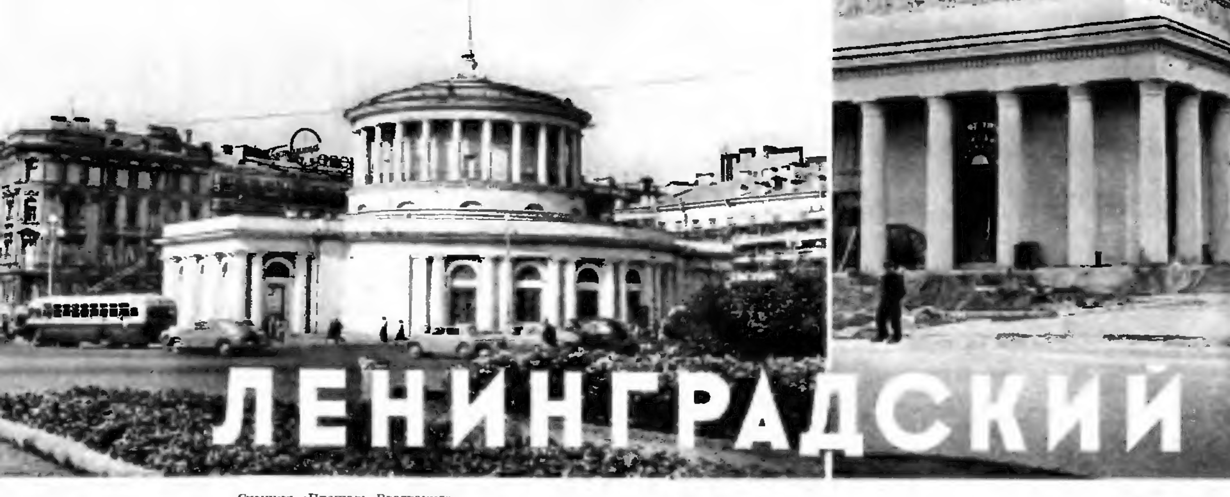
На штрафной площадке у ворот второй сборной команды Венгрии.

Будапешт. Борьба за мяч у ворот первой сборной Венгрии.

На скамье запасных игроков второй сборной Венгрии.

Станция «Площадь Восстания»

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Несколько лет тому назад на проспектах и площадях Ленинграда появились люди, которые в обычном утреннем людском потоке сразу выделялись своим внешним видом. В черных касках с короткими козырьками, в брезентовых куртках и шароварах, в резиновых сапогах, они проходили по улицам и исчезали за дощатыми высокими ограждениями. То были первые строители ленинградского метро.

Сооружение ленинградского метрополитена началось сразу в нескольких районах. С каждым месяцем строителей становилось все больше, прибыли опытные проходчики, прокладывавшие столичное метро. По призыву комсомола спустились под землю молодые энтузиасты.

Перемены в пейзаже города на Неве стали заметны не только его жителям, но и гостям. Выйдя с Московского вокзала, чтобы совершить увлекательную прогулку по Невскому проспекту, они невольно обращали внимание на расположенное напротив вокзала красивое новое здание.

— Это наше метро! — спешили поведать приезжим ленинградцы.

Гости удивленно спрашивали:

— Город на болоте, и вдруг — метро?

Действительно, многие считали, что, поскольку город построен на заболоченной местности, о сооружении метро не может быть и речи. Но вот на трассу вышли геологи, проектировщики, инженеры. Они пробурили сотни скважин, взяли с различных глубин более пяти тысяч проб грунта и воды, в лабораториях сделали около трех тысяч исследований. И что же? Оказалось, что ленинградский грунт для строительства метро более подходит, чем московский.

Основные туннели прокладывались в толще так называемых кембрийских глин. За миллионы лет под огромным давлением верхних слоев земли они повсюду сильно уплотнились и давно окаменели. Однако ленинградская глина кембрийского периода до сих пор сохранила некоторые свои первичные свойства и оказалась весьма удобной для проходки туннелей.

Инженеры Метростроя в содружестве с учеными и работниками промышленности создали применительно к условиям этого грунта уникальный механизированный горнопроходческий щит. Эта своеобразная машина, представляющая собой стальную конструкцию, в передней части которой размещен режущий механизм с ковшами, сама режет породу, подбирает ее и по транспортеру направляет в вагонетки. Проходка ускорилась втрое.

Путь под землей Ленинграда был нелегок. На большой глубине гремели взрывы: с пути удалялись огромные каменные валуны. Особенно большие неприятности доставили строителям мелкозернистые пески и супеси, содержащие грунтовые воды и плывуны. На рытье котлованов, проходке шахт, путевых туннелей на выходах к поверхности пришлось прибегать к искусственному замораживанию грунта и кессонным работам. Преодолевая природные препятствия, упорно пробиваясь сквозь грунт, проходчики все чаще встречались друг с другом на сбойках.

И вот в толще кембрийских глин пролегла закованная в металл и бетон одиннадцатикилометровая трасса первой очереди ленинградского метро. На всем ее протяжении наступили горячие предпусковые дни.

Мы на окраине города — в поселке Автово, откуда берет начало подземная дорога. Среди многоэтажных жилых корпусов виднеется небольшое куполообразное здание станции «Автово». Недалеко раскинулось новое электродепо. Под остекленной крышей стоят комфортабельные электропоезда. Отсюда, с поверхности земли, они будут входить в туннель, чтобы начать свой путь по маршруту «Автово» — «Кировский завод» — «Нарвская» — «Балтийская» — «Технологический институт» — «Пуш-

Обкатка эскалатора.

Установка скульптур в подземном зале станции «Нарвская».

МЕТРОПОЛИТЕН

Станция «Кировский завод».

Станция «Нарвская».

кинская» — «Владимирская» — «Площадь Восстания».

Входим в вестибюль станции «Автово». Круглый кассовый зал украшен колоннами. Наверху по кругу высечено: «Слава в веках доблестным защитникам Ленинграда, в битвах отстоявшим город-герой!». Станция расположена вблизи того места, где находился передний край обороны города в годы Великой Отечественной войны. Это событие нашло отражение в архитектурном оформлении. По веерной лестнице спускаемся в подземный вестибюль. Гранитные ступени ведут в широкий, с высокими потолками зал. Колонны облицованы художественным стеклом.

Вот и платформа. Тут стоит наготове рабочий поезд. Сейчас он выйдет в рейс. Через две — три минуты после отправления машинист Владимир Васильевич Северьянов объявляет:

— Станция «Кировский завод».

Она находится напротив ворот промышленного гиганта советской страны — Кировского завода. Чтобы кировцам попасть в метро, надо лишь пересечь проспект Стачек.

Стены и колонны подземного зала облицованы светлосерым мрамором живописного рисунка, доставленным из Сванетии. Вверху — серебристые горельефы на промышленные темы, в конце зала на фоне белой арки — большая бронзовая скульптура В. И. Ленина.

На станции «Нарвская» огни светящихся хрустальных дуг отражаются в светлом уральском мраморе стен и красном граните полов, придавая станции строгий и торжественный вид.

Механики запускают эскалатор, и мы, пользуясь случаем, поднимаемся наверх. Наземный вестибюль станции с массивными решетчатыми витражами стоит рядом с Нарвскими воротами и придает исторической площади еще более величественный вид.

...Машинист объявляет новую остановку: станция «Балтийская». Она сооружена рядом с Балтийским вокзалом, ее вестибюль соединен с перроном специальным переходом. Подземные залы станции отделаны уральским мрамором, напоминающим по оттенкам цвет морской воды. Потолки здесь белые с двумя голубыми полосами. Но самое удивительное — их форма: они схожи с надутыми ветром парусами. Разливающийся из-за карнизов свет придает сводам воздушность. Зал станции будет украшен также мозаичным панно, которое посвящено историческому крейсеру «Аврора».

От «Балтийской» до «Пушкинской» самый короткий перегон. «Пушкинская» — рядом с Витебским вокзалом — на стороне прибытия поездов. Пассажирам легко будет пересаживаться с наземного в подземный поезд. Свыше ста лет назад отсюда уходил первый в России пассажирский поезд в Царское Село. Теперь «электричка» каждые полчаса идет по этой дороге в город Пушкин. Все оформление станции связано с памятью великого русского поэта.

На «Площади Восстания» — самый большой, новый тип эскалатора. Перед нами зал со строгой системой арок. Анфилада дуг с лампами дневного света освещает бронзовые барельефные медальоны, в которых отражены эпизоды вооруженного восстания в Октябрьские дни 1917 года.

Много интересного на трассе, все хочется осмотреть. Каждая станция с высокими сводами и потолками залита морем света, который излучается то из хрустальных дуг, то из-под сводов. Во всем — от широких лестниц эскалатора, просторных залов, одетых в мрамор, до мягких кресел в быстроходных поездах — видна забота об удобствах пассажиров.

300 предприятий страны участвуют в стройке ленинградского метро.

Эскалатор поднимает нас вверх, и мы выходим на площадь у Московского вокзала. На поездку сюда из Автова трамваем надо затратить сорок пять минут, а в метро этот рейс продлится пятнадцать минут.

Немного времени осталось до того дня, когда под землей Ленинграда по трассе метро первой очереди помчатся электропоезда. Но проходчики уже мечтают о новой работе — на втором участке первой очереди. Он протянется от Московского вокзала на Выборгскую сторону — к Финляндскому вокзалу.

На всей трассе горячие предпусковые дни. Проверяется путь

В электродепо ленинградского метрополитена.

В СТРАНЕ ДРУЗЕЙ

В. КЛИМАШИН

Начало осени... Октябрь в Пекине похож на московский август. Небо светится чистым, прозрачным кобальтом. В воздухе парят белые голуби. Шелест деревьев, легкий плеск воды, птичьи голоса — все это соединяется в негромкую, ласкающую слух музыку, похожую на китайскую акварель, будто сыгранную бамбуковыми палочками, настроенными в терцию.

Пекин, его архитектурные ансамбли, старинные дворцы и парки особенно хороши в эти хрустальные дни.

Таким мне хотелось запечатлеть и парк Бэйхай — одно из любимых мест отдыха пекинцев,— когда первая позолота осени тронула причудливые кроны деревьев, а заходящее солнце сделало еще более горячими краски дворца и его отражения в бирюзовых водах озера.

Я пишу парк Бэйхай из лодки. Рядом сидит всегдашняя моя спутница — переводчик Вей Син-юй. Если перевести ее имя на русский язык, получится: Звездочка. Она не может сидеть без дела, и пока я кладу краски на бумагу, она деловито вписывает в свой красный блокнотик новые, узнанные ею сегодня русские слова и одновременно мурлычет китайскую песенку. Потом она тихонько говорит:

— Вы нарисовали лодку. В лодке — крестьяне. И каждый китаец, увидев вашу акварель, поймет: вы писали ее во время народной власти.

— Почему поймет?

— Крестьянская шляпа прежде не могла и появиться близко у озера. Теперь же — это новые хозяева озера Бэйхай и парка Бэйхай.

* * *

Многие художники, побывавшие в Китае, говорили: день нам казался слишком коротким. Слишком много впечатлений! Хотелось их сегодня, сейчас, не откладывая, переложить на бумагу, на полотно.

И особенно хотелось писать детей. Я до сих пор жалею, что мне удалось сделать сравнительно мало детских портретов. Каждое детское личико — поэма. Вот школьница Иа-джин — маленькая хозяйка огромной и могучей страны. Когда на перроне пекинского вокзала с поезда сошли московские артисты, то такие вот маленькие хозяйки моментально попарно разобрали себе гостей и, одаривая их цветами, объятиями и улыбками, повели на городскую площадь. Они старательно прикрепляли своим гостям ленты с пожеланием «жить 10 000 лет». Девочки постарше знали русское приветствие «здравствуйте» и повторяли его без конца. А один малыш хотя был и поменьше девочек и еще не знал русского языка, но тоже лицом в грязь не ударил. Он забежал вперед и восторженно приветствовал прибывших: «А! Б! В! Г!..» — и так до тех пор, пока советские балерины не подхватили его на руки и не расцеловали.

Вход в бывший императорский дворец Гугун сторожат огромные позолоченные скульптуры китайских львов — символы императорского могущества. Прежде простому народу вход сюда был воспрещен. Сейчас эти львы — всего лишь экспонаты музея. Маленькая У Лао удивлена: откуда взялись такие страшилища?

* * *

В поездках по окрестностям Пекина нас сопровождала молодая художница Шан Ху-шен. Она и сама прекрасно владела акварелью, но ей очень хотелось узнать технику работы советских акварелистов. Мы вместе ездили к Великой Китайской стене, карабкались по каменистым склонам. Своеобразная красота этих мест произвела на меня огромное впечатление. Эта поездка раскрыла мне глаза на многое... Не знаю, насколько помог я своей спутнице овладеть секретами акварельного мастерства, но самому мне стали гораздо ближе и понятнее удивительные работы китайских художников, яснее стали истоки их творчества, их изумительной техники.

Вернувшись в Пекин, Шан Ху-шен предложила мне написать портрет девушки Тун Гуй-чу. Эта девушка работала натурщицей в Пекинской Академии художеств. В перерывах она подходила к нашим мольбертам и, внимательно разглядывая этюды, оживленно обменивалась мнениями с молодой художницей.

— Вы подруги? — спросил я у Шан Ху-шен.

— Подруги по школе. Ведь Тун Гуй-чу последний год работает натурщицей. В следующем году она собирается поступить в нашу академию.

* * *

Премьер Государственного совета Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай не пропускает ни одной значительной художественной выставки в своей стране, высоко ценит искусство Советского Союза, Индии и других стран.

Осматривая раздел советского изобразительного искусства на выставке в Пекине, он посоветовал мне познакомиться с «патриархом китайской живописи» Ци Бай-ши и написать с него портрет.

Ци Бай-ши с полным правом называют патриархом китайской живописи. Ему сейчас 94 года, из них около 80 лет он отдал любимому искусству. Выходец из бедных крестьян, он и в зените своей мировой славы остался глубоко народным художником.

Мы приехали к Ци Бай-ши утром. На юго-западе Пекина в узком переулке стоял неприметный домик. Несколько лет назад этот домик посетил Мао Цзэ-дун. В задушевном разговоре Мао Цзэ-дун предложил художнику перебраться в большой современный дом. Ци Бай-ши отказался.

Во дворике на слегка позеленевших каменных плитах — белые голуби с розовыми крыльями. В любимой комнате художника — литой круглый камин, большой рабочий стол с множеством любимых кистей, свертками рисовой бумаги. Солнце осторожно трогает своим лучом стену, мягкую темную шапочку художника, его белые волосы.

Девяносто четыре года — большой срок. Лицо Ци Бай-ши кажется усталым, он будто дремлет с открытыми глазами.

Но это первое впечатление оказалось ошибочным. Стоило только заговорить о живописи, о чудесном старинном искусстве китайских мастеров, о новом, народном Китае, как улыбка осветила лицо старого художника. Глаза его блеснули, он весь оживился и заговорил о молодости своей страны, о начавшемся бурном расцвете искусства.

Таким я и написал его — народного художника Китая, освещенного лучами восходящего солнца.

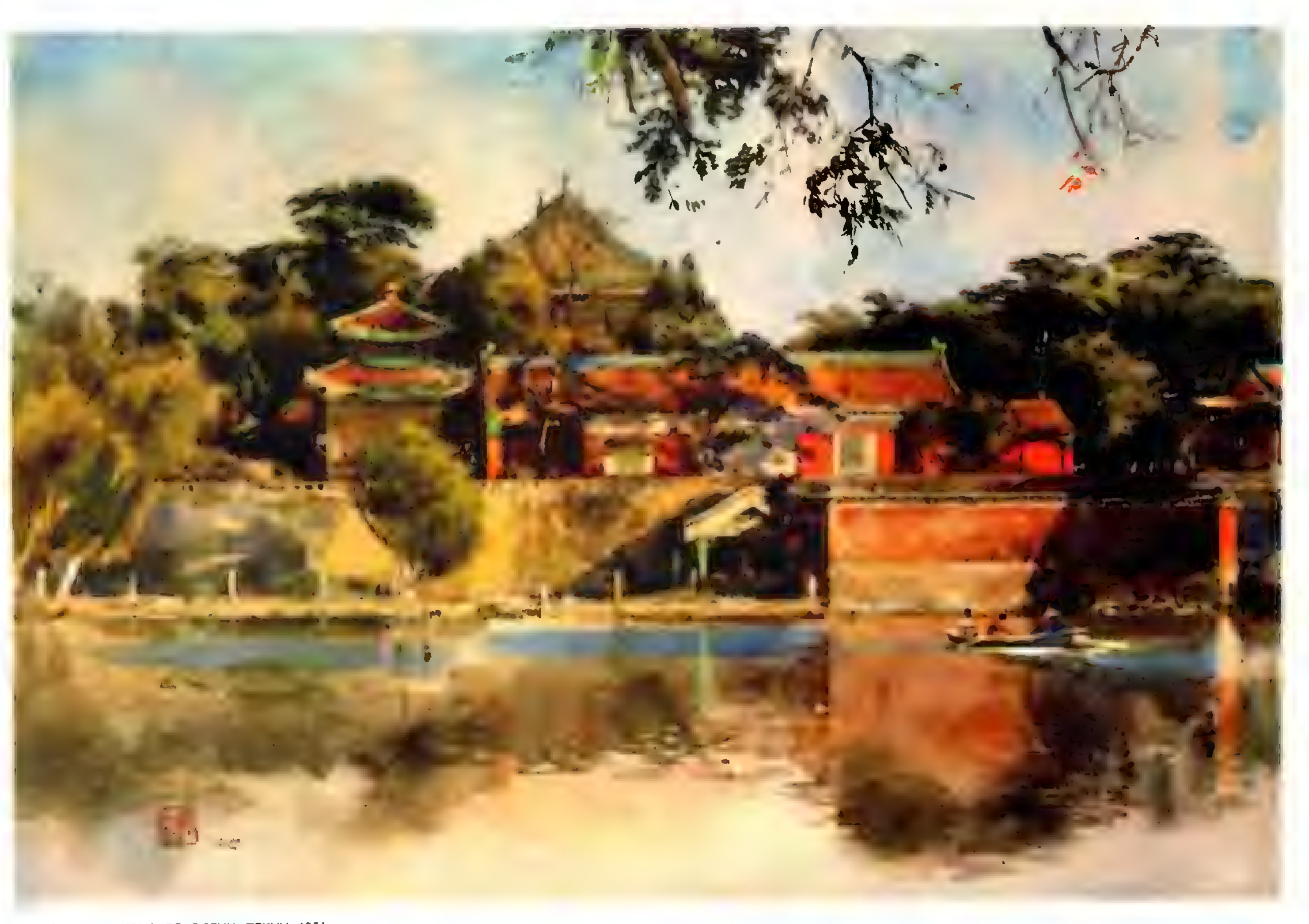
Художница Шан Ху-шен.

Школьница Иа-джин.

В. С. Климашин. НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК КИТАЯ ЦИ БАЙ-ШИ. 1954

В. С. Климашин. НАЧАЛО ОСЕНИ. ПЕКИН. 1954.

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

Рассказ

А. КОЖИН

Рисунки А. Васина.

Перелистывая блокноты, заполненные на Датунских угольных шахтах, я увидел имя Лян Юя. В памяти воскресли подробности одной встречи. Захотелось хотя бы коротко рассказать о ней, о человеке по имени Лян Юй, о волнении, испытанном мною, когда я увидал в его полузакрытых старческими веками глазах глубокий отпечаток пережитых мук и отражение света, озарившего его душу.

Мы виделись с ним недолго, немногим более получаса, проведенного под кровлей дома с розовым фасадом, где шахтное управление разместило ветеранов труда, в большинстве своем потерявших работоспособность еще до освобождения страны. Почти все они давно утратили всякую связь со своими близкими и дальними родственниками, потому что были запроданы на шахты детьми, а многие не имели родных, были сиротами.

Все они бобыли: немного было охотниц стать вдовами. Земля пощадила их в недрах своих, не отняла жизни, но выжала все соки, высушила мускулы, глубокими складками избороздила лица, с годами притупила зрение, слух, восприятие внешнего мира. Лишившись работы, они лишались крова, средств существования, как тени, ощупью бродили по земле. Их желудки переваривали коренья трав и отбросы свалок, их глаза гноились от угольной пыли и грязи. За каждый кувшин воды в поселке надо было платить. В лучшей части поселка, где жила хозяйская челядь, их гнали прочь, травили собаками. Что за удовольствие видеть живые трупы! В шахтерских лачугах встречали печальными, скорбными взглядами. Велика ли разница между ними! Ведь здесь люди даже нищим не в состоянии подать!

Слово «старость» для всех было таким же страшным, как слово «чума». Но и само понятие старости не сходилось с естественной гранью возраста.

Лян Юя определили в дом престарелых сразу после освобождения. Ему было тогда пятьдесят лет, а дать ему можно было все семьдесят. Обострившиеся черты высохшего, как у мумии, лица были неподвижны. Шевелились только потрескавшиеся губы, окаймленные редкими седыми волосами. Лян Юй приоткрывал губы с каждым вздохом, глубоким, протяжным и шумным.

Когда к нему обращались, он медленно поворачивал голову, словно от этого ему было больно, и отыскивал глазами того, кто с ним говорил, хотя собеседник стоял рядом.

В первое время с ним было трудно говорить. Он туго понимал, что происходит вокруг, чего от него хотят незнакомые люди с красными повязками на рукавах, давшие ему риса, новую синюю куртку, такие же штаны и назвавшие его непонятным словом «товарищ».

Да и в его землянку, вырытую в выступе горы, доносились обрывки слухов о 8-й армии, о компартии, но Лян Юй не в силах был представить себе, что все это как-то может изменить его судьбу. Разве легко было сразу понять, как это в руках его очутилась полная корзина риса и никто не потребовал за нее никакой платы. По виду его, наверное, каждому ясно, что он не может никому заплатить ни гроша. Ему поспешно говорили: «Не надо, не надо!»,— когда он пробовал низко поклониться, как кланялся много раз хозяйским холуям, называвшим Лян Юя не иначе, как «черномазый».

Лян Юю сказали, что он будет теперь жить в большом, светлом доме, расположенном в центре поселка, рядом с кирпичными домами управления шахт. Он машинально кивал головой, как бы в знак полного согласия со всем, что ему говорили, но словно не слышал настойчивых увещеваний оставить в землянке дырявую цыновку, ржавую жестянку, в которой варил коренья трав, резиновые опорки, прикрывавшие его ноги только в самые холодные дни, какие-то тряпицы, пропитанные копотью и пбтом. Ведь все это ему больше никогда не понадобится: у него будет постель, одежда, обувь, посуда, будет все, что заслужил он тяжким и долгим трудом.

— Да, да,— Лян Юй продолжал кивать головой и цепко мял обеими руками жалкие пожитки, собирая тощий узелок с такой поспешностью, как будто боялся, что его отберут.

Узелок он обмотал цыновкой и долго, старательно перевязывал двумя кусками тонкой веревки, обычно служившей креплением для опорок. Веревки не слушались заскорузлых рук, сползали с цыновки, пока не помог незнакомый юноша в солдатской гимнастерке, пришедший проводить Лян Юя на новое местожительство. Юноша разговаривал с Ляном громко, приветливо, дружелюбно и смотрел на него, как смотрят на больного, не понимающего, что он болен.

Убедившись, что увещевания не действуют на Лян Юя, юноша потянулся было, чтобы помочь ему нести сверток, но тот крепко прижал узелок локтем к костлявому боку, заслоняя растопыренными пальцами дыры в цыновке, и засеменил еле гнущимися в коленях ногами, оставляя на пыльной дороге следы потрескавшихся ступней.

Лян Юй и его спутник шли сначала на восток, вдоль пустынной узкоколейной железной дороги с заржавевшими рельсами, по которым вывозился уголь из Датунских шахт, а затем повернули на север, где за изгородью высоких тополей виднелись приземистые кирпичные домики центральной усадьбы.

При хозяине в усадьбе размещалось главное управление шахт. Здесь жили люди, ходившие в европейских пиджаках, иные с янтарными четками, любившие опиум, азартную игру мацзян и взятки. При японцах тут помещался еще отряд жандармов. Встреча с ними не сулила шахтерам ничего хорошего, и поэтому они старались обходить усадьбу стороной.

Недавние воспоминания обдали холодком сердце Лян Юя, и он, беспокойно озираясь по сторонам, замедлил шаги.

— Что, старина, устал?— спросил его спутник.— Может, отдохнуть хочешь?

Но, взглянув в лицо Лян Юя, понимающе улыбнулся и заговорил о другом:

— Да все ли ты понял, товарищ Лян, из того, что тебе говорили? Ты будешь жить там,— энергичный взмах руки в сторону усадьбы,— в усадьбе нет больше старого управляющего, чиновников, жандармов. Мы их прогнали, понимаешь? Прогнали,— красноречивый жест обеими руками,— ты не будешь больше никогда голодать, мокнуть под дождем, спать на земле. И тебе будут платить еще деньги. Это называется пенсия, трудовая пенсия.

Да, нелегко, конечно, сразу понять, что происходит вокруг. Для этого, наверное, надо иметь не такую старую голову, как у Лян Юя. Все перепуталось в ней, и он скорее из вежливости, чем в знак благодарности, опять закивал го-

ловой. А при последних словах юноши насторожился и еще больше замедлил шаги. По лицу скользнула горькая усмешка.

Ему будут платить деньги! Ну да, этот парень не знает, что Лян Юй харкает кровью, что ветер может согнуть его, как былинку, что ему не под силу даже поднять с земли корзинку с углем. Думает, что Лян Юй может еще пригодиться на шахтах. А иначе за что же ему будут платить деньги? Не лучше ли сразу сказать об этом, повернуть обратно, благо у него есть своя землянка?

Лян Юй подошел к кювету, положил на чахлую траву сверток, беспомощно развел руками и с трудом выдавил из пересохшего горла слова:

— А работать-то, сынок, я не смогу.

И уставился на спутника бесцветными, слезящимися, скорбными глазами: каков уж есть, не обессудь. Незачем тебе со мной впустую время тратить.

Ну да, конечно, надо было сразу так и сказать! А то вот скребет парень затылок, клянет, наверно, себя за промах. От досады даже лицо передернуло. Теперь кисет протянул, самосадом угощает. Видит, руки у Ляна трясутся, сам свернул ему цыгарку. Неудобно так просто расставаться. Славного, видно, сына вырастила мать, с добрыми глазами. Наговорил, наобещал, а теперь надо бить отбой: жалко стало старика.

Лян Юй затянулся дымом и вдруг, побледнев, громко, надрывно закашлял, а между приступами кашля сипло произнес:

— Никуда я не годен... А ты говоришь — деньги!

Юноша помог старику опуститься на землю, сел рядом с ним. Потом порывисто, горячо заговорил:

— Да пойми же, пойми, старина Лян Юй, что теперь все у нас будет по-новому, все... Эх, плохой я, наверно, агитатор, никудышный... Ведь дом, в котором ты поселишься, принадлежит тебе. Земля, по которой ты ходишь, твоя, все, что создал ты на ней, твое, потому что создано твоими руками, руками тех, кто трудится и трудился, как ты. Разве ты своим трудом только и заслужил право быть нищим? Вспомни-ка, сколько корзин с углем перетаскал на своем горбу, — наверное, больше, чем листьев на этих деревьях. А если можно было бы сложить весь уголь, добытый тобой, получилась бы гора не меньше, чем гора Тянь-Шань. Но не сложишь такую гору. Уголь, добытый твоими руками, сгорел в топках заводов, локомотивов, кораблей. Значит, и ты приводил их в движение. Твой труд согрел тысячи людей. Вот какой ты человек, Лян Юй. А во что ценили тебя хозяева? Да ни во что. Пришел на шахту, наверно, давно.

— О-о, — вырвалось у Лян Юя, — очень давно, мальчиком был... Помещик мать убил гирей: долг не могла заплатить. Я и подался в шахту.

В его глубоко запавших, тусклых глазах появился отблеск какой-то новой для него мысли. Взгляд погрузился в синеватое пространство дали, поделенной пополам дымом от самовоспламенившегося пласта угля. В безветренном воздухе дым поднимался медленно и прямо. Покатая возвышенность, поросшая горьковатой полынью, скрывала то место, откуда поднимался дым, скрывала пропахшую угольной пылью лощину, потемневшие с годами остроконечные копры шахт. Но Лян Юй их видел всегда. Однообразный рисунок волнистой земли запечатлелся, застыл в его сознании вместе с мрачными контурами шахтных построек, молчаливых свидетелей всей его горемычной жизни.

Подняв задумчиво брови, он смотрел именно туда, где остались копры, как будто видел за толщей земной что-то ведомое только ему одному. На самотканой рубахе, прикрывавшей его полусогнутую тощую спину, отчетливо обозначились лопатки, и это еще больше подчеркивало старческую расслабленность, сквозившую во всей фигуре Лян Юя. Зато его лицо как бы озарялось отражением исчезнувшей силы, той самой силы, которая придает человеку сознание своей значимости и собственного достоинства.

— Да, мальчиком, — повторил он глухим голосом, рассеянно. Новая мысль, еще полностью не овладев им, сливалась в его сознании с обрывками далеких и грустных воспоминаний. — Мать, умирая, сказала: «На шахту иди, горько там будет, да куда же еще сироте податься?..»

— Вот, вот! — подхватил молодой спутник, еще больше оживившись, заметив, что слова его не бьют мимо цели. — А состарился — выбросили, как мусор. Нет, новая власть по-другому ценит трудового человека, потому что он всей жизни корень и потому, что новая власть и есть власть тех, кто трудится.

— Послушай, сынок! — Лян Юй понизил голос до шепота и, как бы охваченный внезапным порывом, впился корявыми пальцами в руку юноши. — А если я теперь на что-нибудь сгожусь? Ну, уголь рубить не смогу — воду шахтерам разносить буду, лампы заправлять, в нарядной дежурить. Ну, хоть что-нибудь, а?

* * *

Лян Юя убедили, что по состоянию здоровья он не сможет делать даже самую легкую работу, и он стал коротать дни в доме для престарелых шахтеров. Это был двухэтажный дом европейского типа, с высокими побеленными стенами, с паровым отоплением, с крашеными полами и светлыми окнами, обращенными в комнате Лян Юя в сторону безлесной степи, и с общей китайской ванной — большим круглым бассейном, выложенным белыми изразцовыми плитами.

Первые несколько ночей Лян Юй спал очень плохо, ворочался с боку на бок, часто поднимался с ватного матраца и, продев ноги в войлочные шлепанцы, подолгу сидел на кровати, медленно перебирая взглядом ее убранство, освещенное светом настольной лампы, процеженным сквозь зеленый абажур. Посидев так, он поднимался и, осторожно ступая, подходил то к маленькому лакированному столику, покрытому стеклом, в котором отражался букет полевых цветов, а рядом двоилась фарфоровая пепельница с неизменным выписанным витиеватым иероглифом — пожеланием долголетия всем, кто на нее взглянет, то к вышитой на шелке картине, изображающей героический переход китайских воинов через реку Дадухэ, то к кружевным оконным занавескам. Осторожно, словно боясь испортить вещь своим прикосновением, он дотрагивался до всего этого рукой. Случалось, что кто-нибудь из двух его соседей поднимал с подушки голову. Если это был Ши Гуань, семидесятилетний старик, занимающий кровать справа от двери, Лян Юй поспешно отдергивал руку, что-то смущенно бормотал себе под нос и делал вид, что ищет на столике спички или что-нибудь в этом роде. Если просыпался Чжао Лао-чжу, Лян Юй застывал на месте и ждал, когда сосед опять заснет. Чжао ничего не мог увидеть: много лет тому назад он потерял в шахте зрение. Случалось, что в коридоре слышались шаги дежурной няни. Тогда Лян Юй быстро ложился на кровать и притворялся спящим. Что сказать, если спросят, почему он в поздний час бродит по комнате, как лунатик? Все равно, наверное, не поймут.

Три раза в день старых шахтеров приглашали в столовую, где из окошечка в стене, отделяющей кухню, выплывали белые миски, доверху наполненные горячими манто, рисом, яйцами, кусками мяса с неизменными острыми приправами и овощным супом в конце обеда. За питание ветераны труда платили треть своей пенсии, другой частью они расплачивались за одежду. У них еще оставалось на прочие расходы, на всякие стариковские прихоти.

Например, соседа Лян Юя, Ши Гуаня, перестала удовлетворять обыкновенная ханьянь — бамбуковая, похожая на маленький молоточек трубочка, и он купил себе, правда, подержанный, но настоящий сюянь с серебряной отделкой. С явным удовольствием и с забавно важным видом он затягивался теперь процеженным через булькающую воду табачным дымом. Слепой Чжао купил себе два блестящих металлических шарика величиной с небольшое яблоко и перебирал их в руке, как четки. Касаясь друг друга, шарики издавали легкий, мелодичный звон, к которому слепой прислушивался с задумчивым вниманием. Он вспоминал об одном богатом мандарине, всегда носившем с собой подобные шарики, как символ своего благополучия и власти. Чжао однажды так и сказал, позванивая шариками: «Я теперь, как мандарин». При этом он смущенно улыбнулся, как бы давая понять, что это всего-навсего шутка.

Но Лян Юю не очень-то понравилось такое сравнение, как не очень нравились ему и подобные наивные прихоти. В них было что-то от желания целиком отдаться тихой, безмятежной жизни, на которую, конечно, каждый из них имел свое право. Лян Юй увлекся другим. Почти все, что оставалось от его пенсии, он тратил на лакомства вроде тугындан, приготовленные из бобов, муки, сахара, или цзянмичу — маленькие шарики из жареного риса, соблазняющие детвору во всех частях Китая. Лакомства, покупаемые стариком, предназначались для маленьких жителей шахтерского поселка, навещавших его каждый день. Покупал он им и ляньхуаньшу — маленькие книжки-картинки, издавна бытующие в Китае.

Но не только это магическое средство привлекало шахтерскую детвору к Лян Юю. Она инстинктивно чувствовала его неистраченную, большую, горячую любовь, по-особому присущую каждому на закате его дней, когда хочется в окружающей молодой поросли увидеть продолжение своей жизни. Их дружба крепла с годами, все больше становилось у Лян Юя маленьких друзей. Старый шахтер называл их внучатами, а иных наделял еще лестными прозвищами: «Маленький дракон», «Отважный», «Быстрый», — и это им очень нравилось. Сидя на ступеньках крыльца или в тени тополей, он любил слушать ребячье щебетание, смотреть, как они, забыв обо всем на свете, перелистывают маленькие странички ляньхуаньшу.

Детское воображение упивалось самыми фантастическими историями о легендарных героях, созданных поэтической фантазией народа, наделенных прекраснейшими человеческими качествами и неизменно покоряющих зло своей силой, находчивостью, выступающих в защиту обиженных,

Дороги и машины

ШАО ЯНЬ-СЯН

Знаешь ли ты,
Как много дорог на земле Китая?
На горы высокие, на хребты
Эти дороги взлетают,
Широкие реки пересекают,
И деревушки с тремя дворами
Соединяют
Они с городами.

Знаешь ли ты,
Как много дорог на земле Китая?
Морские порты
С цехами завода они сплетают,
Встречаются с кооперативами,
Шагают зелеными нивами
И из лесу, с поворота
В деревенские входят ворота.
А одна из дорог вернулась
И у ног твоих протянулась.

Эти дороги,
Как ветви могучего дерева,
Как тысячи рук,
Как огромная сеть, раскинуты.
Всю землю мою измерили
Эти дороги длинные.

А вот еще в бескрайней глуши,
Где не было даже телеги,
Дорога бежит, дорога спешит —
Детище пятилетки!

Будем возить по ней
Удобрения для полей,
Бумагу, продукты питания,
Периодические издания,
Сельскохозяйственный инвентарь —
Все, от пряника до винта.

А рядом с шоссе,
На скалистом крутом берегу,
На морском рубеже,
Где прибоя разносится гул,
Береговые орудия требуют басом:
«Дайте боеприпасов!»

Ты на Запад пойди, ты пойди на Восток —
И услышишь призывы шоссейных дорог.
Дорога зовет:
«Автомобильный завод,
Для дорог, для страны
Машины нужны!»

Отвечает дорогам строитель:
«Вы немного еще потерпите!
Мы посадим страну на отечественные машины.
В день по тысяче ли — это первое, что
совершим мы.

Сколько силы в моторе!
Не кляча худая!
Мы, как ветер, помчимся
По широким дорогам Китая».

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

слабых и бедных. Рисунки дополняли воображение, и перед ребятами, как живые, вставали хитроумный Ван, одурачивший императора, маленький, ловкий Сы Матуан, умевший выпутываться из любой беды, легендарный герой Дун Ко, поднявший народ против иноземных поработителей, простой крестьянский юноша Лао Шань, уничтоживший духа камня и давший влагу опаленной солнцем земле.

И уж истинным наслаждением для них было видеть маленькие книжечки с такими же красивыми обложками и рисунками, с не менее удивительными историями, но о героях новых дней Китая — о воинах, рабочих, крестьянах. Здесь была даже книжка о Датунских шахтах, об их земляке Ма Лю-хае. Ребята многое узнали о нем из рассказов отцов, сами часто видели его. Он тоже большой охотник повозиться с детворой, и это очень льстило каждому. Ведь товарища Ма Лю-хая знает вся страна, ему жал руку в Пекине председатель Мао Цзэ-дун. И вот знакомые глаза шахтера смотрят на ребят с каждой из пятидесяти двух картинок книжки. Разве это не чудо?

Чудом казалось и то, что делали маленькие книжки с детьми, чье душевное состояние в эти минуты отражалось в забавных напряженных позах, в лучистом блеске ясных, задумчивых глаз.

Старый Лян Юй почему-то особенно любил маленьких друзей именно в такие минуты. Как знать, может быть, потому, что в детстве ему никогда не доводилось переживать ничего подобного — у него ведь не было детства,— а может, потому, что в настроении очарованных книжками детей было что-то созвучное его душе, обновленной явью, которая казалась ему сказкой.

Так, по крайней мере, подумалось мне, когда я увидел Лян Юя, сидевшего на ступеньке возле дома с розовым фасадом в окружении малышей. Двое из них, самые маленькие, в клетчатых передниках, уселись ему на колени. Остальные льнули к старику с разных сторон, как льнут к стволу старого дуба появившиеся молодые побеги. Лян Юй, одетый в новую синюю куртку, с сияющим значком шахтера на груди, что-то неторопливо, тихим и проникновенным голосом рассказывал детям, водя перед собой указательным пальцем. При этом у него был вид человека, которому хочется сказать что-то очень важное для других и для него, что обязательно следует знать его слушателям, и уверенного в том, что его поймут, что до них дойдет не только смысл его слов, но и родившее их чувство.

Лян Юй рассказывает детям о разном. И хотя сам никогда не слышал раньше сказок, а теперь, недавно взявшись за грамоту, лишь с трудом прочитывает их в книжках-картинках, он наделяет свои рассказы той долей красочного вымысла, которая рельефно отражает быль. Он говорит о чудодейственной силе человеческого разума, человеческих рук, которые могут превратить всю землю в цветущий, неувядающий сад, как горячего скакуна, укротить грозные реки, подобные Хуайхэ, сдвинуть могучие горы, даже если они касаются своими вершинами звезд, и что для этого надо освободить человека от власти злых сил, как это сделано в краю советских людей, в Китае.

При этом старик любил повторять: «Трудовой человек все может. Трудовой человек есть корень всей жизни на земле. Вот почему председатель Мао знает нашего Ма Лю-хая, вот почему он пожал его рабочую руку. Это Мао вам пожал руку, потому что вы наша смена, и... мне пожал руку, потому что я перенес на своем горбу столько корзин с углем, сколько нет, наверно, листьев на этих деревьях».

Говорит старик временами не очень складно, иногда глаза его увлажняются, голос начинает дрожать. Тогда наступают короткие паузы. Но дети его понимают. Рассказывает он и о шахтерской бывальщине, о подземном духе с огненными глазами, с головой тигра, властного над жизнью и смертью шахтеров, но ставшего жалкой мокрицей, когда на шахту пришли могучие витязи с пятиконечными звездами на фуражках. Поджав хвост, подземный дух удрал, и теперь о нем люди рассказывают только сказки.

И это дети тоже понимают, правда, по-разному. Среди маленьких слушателей Лян Юя находятся такие, что сами кое-что помнят о прошлом, и им легче в небылице увидеть быль. Но в последнее время стали приходить совсем малыши, и то, что его слушают уже маленькие граждане Китая, никогда не видевшие наяву надсмотрщика с плетью, зеленых жандармских мундиров, не знавшие слепого страха, рождаемого жестокой силой гнета,— это особенно трогает Лян Юя.

Когда я увидел его в кругу детворы, он рассказывал ей какую-то старую сказку о китайском мальчике. Восьми лет мальчик опустился в шахту. Потом он вырос и состарился в ней, ни разу не увидев за это время солнца. Он забыл, как оно выглядит, где восходит и где садится, как светит в окна хижин и отражается в речных водах, как поют птицы в лесах, озаренных его лучами, как зеленеют травы, согретые его теплом. Так продолжалось сорок лет, до тех пор, пока... Переводчик передавал мне содержание сказки очень тихо, чтобы не помешать Лян Юю, не нарушить царившей вокруг тишины, как бы пропитанной теплом душевной близости, связывавшей старого шахтера с вот этой черноглазой, затаившей дыхание детворой.

Но Лян Юй заметил гостей, не без сожаления прервал беседу и присоединился к другим обитателям дома старых шахтеров, знакомившим нас со своей жизнью. В комнате, где висела картина, изображающая Великий поход, Лян Юй и рассказал нам о себе, о том, как он поселился в этом доме, о своих встречах с шахтерской детворой.

Рассказывая, он машинально перебирал коричневыми от загара руками маленькие книжки с красочными обложками. И мне подумалось, что, быть может, когда-нибудь появится ляньхуаньшу о Лян Юе, о том, как он на склоне лет своих увидел яркий блеск солнца, и дети с таким же жадным интересом будут читать ее, как читают другие удивительные книжки с картинками, потому что и для них вымысел никогда не заменит того, что бывает в жизни.

Живая поэзия

К 60-летию со дня рождения Сергея Есенина

Недалеко от Рязани, в селе Константинове, растянувшемся по правому, высокому берегу Оки, у крестьянина Александра Никитича Есенина и жены его Татьяны Федоровны родился 3 октября, или 21 сентября по старому стилю, 1895 года талантливый русский поэт Сергей Есенин. Здесь прошло его детство, здесь он учился сначала в сельской школе, затем в церковно-учительской школе в Спас-Клепиках.

За селом начинаются заливные луга с небольшими озерцами, с густой травой. Оттуда открывается та бескрайняя русская даль, которую знают жители наших больших рек — Волги, Оки, Иртыша и Дона. Чувство простора и в то же время мягкость и нежность русской природы — все это входит в прекрасные стихи Есенина. М. Горький, любивший есенинские стихи, видевший в поэте замечательное проявление талантливости русского народа, писал, что Есенин — это «орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире...»

Это верно, что есенинская поэзия дышит запахом родных полей. Она светится простыми народными радостями, напоена великой любовью к той земле, на которой родился поэт, к тому народу, из которого он вышел.

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Во время своей почти двухлетней заграничной поездки (1921—1923 годы) Есенин побывал в ряде стран Европы и в Соединенных Штатах Америки. В стихотворении, написанном в Париже, поэт говорил: «А сейчас, как глаза закрою, вижу только родительский дом». Видит поэт, как «август прилег ко плетню», как держат «липы в зеленых лапах птичий гомон и щебетню».

Стихи Есенина сохраняют в себе и радость, и «печаль полей», и «нежность грустную русской души», и «буйство глаз, и половодье чувств».

Есенин прошел сложный творческий путь. Буржуазно-декадентская среда, в которой вращался Есенин в Петербурге, а затем в Москве, наложила отпечаток и на лирику Есенина, внесла в нее некоторые упадочные мотивы. Сказывается в лирике Есенина и ограниченность его мировоззрения, идеализация патриархально-деревенского уклада.

Сегодняшний читатель, который широко знает и любит лирику Есенина, давно научился проходить мимо отсталых или упадочных мотивов у Есенина и, наоборот, принимать в нем то, что близко народу, то светлое и хорошее, что живет в есенинской поэзии. «Читая Есенина, я чувствую живую душу человека, вложенную в стихотворения, и понимаю ее,— пишет читатель товарищ Трунов.— Есенин был большим поэтом и большим патриотом нашей Родины. Именно за это я его уважаю — он учит меня понимать и любить свою страну, любить ее более всего на свете».

С этой оценкой нельзя не согласиться. Безусловно, основа есенинской поэзии народная. Потому его стихи и живут в народе.

Есенин был не только лирическим поэтом. Он создавал произведения и в других жанрах. В золотой фонд нашей поэзии входят такие его произведения, как поэма «Анна Снегина», в которой дана талантливая картина русской деревни накануне Великой Октябрьской революции, когда большевистские лозунги о передаче помещичьих земель народу глубоко проникли в массы. Есенин горячо любил свою Родину, гордился новой Россией. В историю советской поэзии входят такие произведения Есенина, как «Песнь о великом походе», «Баллада о двадцати шести», наконец, его стихи о Ленине, проникнутые глубокой народной любовью к великому вождю.

Сергей Есенин.

В 1924 году поэт писал:

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Поэзия Есенина — живая художественная ценность советской литературы. Она продолжает питать и нас, советских поэтов, красотой своих образов и человеческих чувств, вложенных в них.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Роман о первой буре

Когда прочитаешь талантливую книгу, перелистываешь ее вновь, возвращаешься к началу, потому что хочется понять, чем же все-таки захватил тебя писатель. Вот так, дочитав первую книгу романа эстонского писателя Ааду Хинта «Берег ветров», вспоминаешь хмурое море, гул рыбацкой толпы, нещедрую землю. Идя от этой будничной картины, А. Хинт поднимается на большую высоту бурных событий.

Первые страницы романа рассказывают о слепом Каарли, который идет за поводырем к рыбакам, чтобы продать хоть несколько сплетенных им корзин. Слепой Каарли — песельник, сочинитель остроумных и смелых куплетов,— оказывается, неплохо видит жизнь. Еще острее становится его «зрение» в революционном 1905 году. Горела баронская мыза, и Каарли был убежден, что он видел пожар.

«Берег ветров» — роман о народе. Его содержание — правда о дореволюционной Эстонии. В жизни простых людей Хинт нашел и сильные страсти, и высокие идеалы, и суровые столкновения. Красивы герои Хинта, потому что они ищут и борются. Рыбаки строят артельное судно. Рассказывает Хинт о постройке корабля — словно поет песнь труду и красоте, словно вместе с талантливым кораблестроителем Михкелем тревожится о том, чтобы недобрые люди не повредили кораблю.

Рыбаки приходят к мысли о том, что они должны стать не только строителями нового судна, но и творцами новой жизни. В борьбе приносятся нелегкие жертвы... Лонни — любимая и единственная дочь тихого дворника Тийта — убита на демонстрации. Увидев Лонни на мостовой, Тийт сходит с ума. Он поливает водой людей, дома, повозки. Ему кажется, что весь мир в крови... Но близится возмездие. Идут колонны восставших. Впереди большевики — Карл Ратас, Пеэтер Тиху и много других — партия!

Ааду Хинт приходит к изображению борьбы эстонского народа рядом с русским. Простые люди с далекого берега занимают свое место в общих рядах.

Буря докатилась до Сааремаа. Корабль, построенный рыбаками, идет за оружием.

А. Хинт создал произведение, глубоко национальное по форме. Не все образы удались ему. Однако целый ряд живых характеров — от мятежного Матиса Тиху до богатеющего хищника, капитана Тыниса — делает роман заметным явлением советской прозы.

Ааду Хинт. Берег ветров. Роман. Книга первая. Перевод с эстонского. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 412 стр.

С. ЛЕСНЕВСКИЙ

В таежной стороне

Георгий Лезгинцев
В ТАЕЖНОЙ СТОРОНЕ

В глухой тайге затерялся золотой прииск Южный. Рядом, по соседству, крупный государственный рудник Новый, оборудованный по последнему слову техники. А на Южном вся техника — кайло да лопата, тачка да колода. И, быть может, поэтому так цепко держатся среди золотоискателей, или, как их называют по старинке, старателей, закоснелые привычки и пережитки. Одни, как председатель старательской артели Пихтачев или старик Захарыч, все еще надеются на «фортуну», живут слепой верой в «фартовое», «шалое» золото. Другие, вроде деда Михайлы и жуликоватого маркшейдера Бориса Робертовича, не прочь поживиться за государственный счет. Мутит людей матерый таежный хищник Прохор Дымов. Исподтишка вредит затаившийся враг Краснов, завхоз артели. Дела на прииске идут плохо, добыча золота падает. Автор не боится показать трудность и сложность обстановки. Где же выход? Выход один — строить мощный государственный рудник. Так решают новый начальник прииска Степанов и парторг Рудаков. Только так можно увеличить добычу золота, перестроить всю жизнь старателей.

И в тайге закипела стройка. Будни этой стройки — в основе романа Г. Лезгинцева. В многоликом коллективе ясно выделяются лица героев, их облик, речь, характерные черточки. Молодой писатель создал ряд запоминающихся характеров — энергичного, боевого инженера Кати Быковой, обаятельной, скромной и мужественной Наташи Дубравиной, весельчака и балагура Васи Егорова, старого охотника Иптешева и других. Автор ведет своих героев трудными, крутыми путями — через препятствия и жизненные невзгоды, сомнения и колебания, ошибки и заблуждения. Он стремится раскрыть судьбы и характеры героев, их духовный рост и возмужание прежде всего в труде, в преодолении трудностей, в мучительной борьбе с собственными слабостями и недостатками. Часто молодому писателю это удается, хотя некоторые образы и — что особенно обидно — образ одного из главных героев, парторга Рудакова, обрисованы расплывчато и слабо запоминаются. Писатель пишет о Сибири, а пейзажей в книге мало.

Как золото очищается от пустой породы, так и характеры героев романа освобождаются от всего мелкого, случайного, уродливого. Находит в себе силы, чтобы победить свои слабости, начальник прииска Степанов, которого не раз упрекали в самоуправстве, невнимательности к людям. Намечается перелом и в характере вожака старательской «вольницы» Пихтачева. Поверил в новое дело старик Захарыч.

Книга Г. Лезгинцева, изображающая смелых покорителей суровой Сибири, пробудит у читателей, особенно у молодежи, еще больший интерес к этому замечательному краю нашей Родины.

Георгий Лезгинцев. В таежной стороне. Роман. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 468 стр.

Вл. КУЗНЕЦОВ

Самолет идет на полюс

Тихон СЕМУШКИН

Фото М. Савина.

В июле этого года мне понадобились материалы по дрейфующим станциям «Северный полюс». Я позвонил в Министерство морского флота Бархаянову.

Виктор Федорович любезно выслушал меня и сразу ошеломил:

— Зачем вам читать отчеты? Я вас познакомлю в натуре с самой жизнью. Завтра я направляюсь в облет арктических портов и на дрейфующие станции. Весь перелет займет десять дней. Предлагаю вам место в своем самолете.

Признаться, от этого краткого разговора повеяло на меня холодом. Без сборов, без психологической подготовки, так вдруг сняться и ринуться на Северный полюс! У меня, естественно, слегка перехватило дыхание.

Бархаянов рассмеялся:

— Что? Попал в дрейф?

— Виктор Федорович, на Черное море люди собираются дольше, а тут все-таки центральный бассейн Ледовитого океана. Это же — кощунство и неуважение к Северному полюсу.

— Времена другие. Прошли времена, когда Амундсен собирался в свои экспедиции годами. Сейчас Москва — Северный полюс — обычный рейс. Можно открывать туристское движение. А вообще у нас есть технические возможности попасть на полюс в день вылета из Москвы, провести там несколько часов и на другой день вернуться обратно.

После того как Бархаянов сообщил эту сенсацию, я дал свое согласие и спросил:

— А какое обмундирование?

— Обмундирование московское, майское. Можно вполне лететь в обычном костюме. Итак, завтра в девять на аэродроме.

Оторвавшись от телефона, я некоторое время не мог понять: сегодня хожу по Москве, а завтра могу быть на полюсе?!. Что это: сон или действительность, граничащая с фантазией?

Дома меня подняли на смех, когда я сообщил о своем намерении завтра слетать на дрейфующие станции. Час был поздний, и, не теряя времени, я стал укладывать чемоданчик.

— Ты что, не видел арктический лед и не можешь себе представить, как живут на льдах твои знакомые? Да и вообще, что скажет доктор?

Эти разговоры меня начали злить, и я в сердцах сунул в чемодан шапку-ушанку.

Ночь, как всегда перед отъездом, я провел беспокойно и в девять утра был на аэродроме, где стоял, поблескивая на солнце, «ИЛ-12».

Здесь я познакомился с Иннокентием Григорьевичем Бахмутовым — командиром нашего воздушного корабля. Это был человек под сорок лет, со скрытой теплой улыбкой, с выражением на лице спокойствия, решительности и какой-то хладнокровной выдержки. На нем был обычный штатский костюм. Бахмутов слыл опытным полярным летчиком.

Механик, молодой сравнительно человек, докладывал ему о готовности самолета, а также сообщил, что полетный вес его — семнадцать тонн.

Я прислушиваюсь к этому разговору, и мысль уносит меня на дрейфующую льдину. Семнадцать тонн! И эта махина с воздуха на большой скорости бросается на ледовый аэродром! Что же это за льдина?

Прибыл Бархаянов, и вскоре самолет поднялся в воздух. Мы расстались с июльским московским утром, взяв курс на север.

Кабина нашего корабля несколько необычна. Вместо пассажирских кресел установлены по бортам длинные баки-цистерны для запасного бензина; в самом хвосте, около двери, туго накачанный воздухом клипер-бот; рядом с кабиной пилотов небольшой салончик с двумя удобными креслами и штурманским столом; по правому борту — алюминиевая кроватка, на которой сидит человек в очках, какие носят старые учителя, с несколько угрюмо-серьезным лицом. По всему видно, что это опытный полярник, на которого Арктика наложила свой отпечаток, начиная от легких морщинок на лице и кончая одеждой. Когда же он распахнул свой брезентовый плащ, я увидел на его кителе значок «Почетный полярник». И хотя этот человек, как я потом узнал, «болен Арктикой» добрый десяток лет, судьба нас столкнула впервые.

Это был художник Игорь Павлович Рубан. В этот раз он тоже держал курс на дрейфующую станцию.

Мы летим над зелеными свечками лесов северного края, и Виктор Федорович рассказывает мне о необычайно трудной ледовой обстановке в эту навигацию по всей трассе Северного морского пути. Корабли, идущие с востока на запад и с запада на восток, застряли во льдах или неподвижно стоят у кромки льдов вот уже около месяца. Стоят и ледоколы. На востоке, у мыса Сердце-Камень, три линейных ледокола и караван транспортных судов полонены стихией Врангелевского ледяного массива. На всей трассе, от Мурманска и до бухты Провидения, стоят корабли, лишенные возможности нормального продвижения.

Обычно в начале июля корабли уже проходили половину своего ледового пути. Они достигали порта Тикси и с востока и с запада. Теперь же конец июля, а корабли все еще стоят на подступах к Арктике, и только один корабль «Лена» под командованием полярного капитана Ветрова прорвался с запада на восток.

На борт нашего самолета поступают донесения, и Бархаянов в курсе жизни арктической водной магистрали. Над «Леной» все время барражируют самолеты ледовой разведки, и гидрологи с их бортов рекомендуют судну курс во льдах. Но так как разводья на глазах то появляются, то исчезают, гидрологи предлагают капитану менять курс оперативней.

— Я знаю, что может сказать Ветров на такое предложение,— говорит Виктор Федорович.— Он обязательно ответит гидрологам: «Корабль во льду — это не самолет в воздухе».

Особенно неуклюжи во льдах ледоколы. Развернуться им во льдах — это «целая история», как говорят ледокольщики. Огромные металлические чудовища, сжигающие в сутки до 140 тонн угля в своих десяти котлах, развивающие мощность в 10 тысяч лошадиных сил, среди ледовой стихии тоже иногда бывают беспомощны. Винты заклинивает льдами, и ледокол не может продвинуться ни на один метр.

У Врангелевского ледяного массива на днях все три линейных ледокола одновременно сделали попытку вырваться из плена и пойти на штурм ледовых твердынь. Был поднят пар всех тридцати котлов, в бой ринулось 30 тысяч лошадиных сил, от дыма шести ледокольных труб почернело прозрачное и чистое небо Арктики, но ледовые поля не сдали.

Бархаянов обеспокоен состоянием навигации и поэтому, оставив свой московский кабинет, вылетел на трассу, хотя там есть арктические районные управления — своего рода штабы проводки судов. Они возглавляются опытными морскими работниками; в ведении этих штабов капитаны-наставники, ледокольный флот, базирующийся на их участке трассы, авиаотряды для ледовой разведки, начальники обсерваторий с гидрологами, синоптиками и все полярные станции в радиусе действия штабов. Таких управлений на трассе два: одно на востоке и другое на западе.

— Здесь все, как говорится, упирается в лед,— рассказывает Виктор Федорович.— Вот возьмем, например, ледоколы. Могут они решить навигационные вопросы полностью? Нет. Не могут, какой бы фантастической мощности они ни были. Они выполняют только вспомогательную роль, хотя и очень важную, очень значительную. Ледовую стихию должен победить разум человека. И он ее победит. Нужно лишь изучить режим льдов, накопить опыт и научиться на этой основе, используя закономерность, точно ставить прогноз погоды. Доступно ли человеку это «колдовство»? Конечно, доступно. Ведь самый обыкновенный человек может предсказать, что после зимы наступит весна, затем лето и осень. А если год можно разбить на четыре отрезка времени, то, следовательно, можно разбить его и на двенадцать месяцев. А если и дальше идти в этом направлении, можно, следовательно, научиться прогнозировать погоду и на каждый день. В этом смысл деятельности нашего Арктического института, наших обсерваторий и дрейфующих станций. В одном из районных управлений я предполагаю провести прогностическое совещание с начальниками дрейфующих станций «Северный полюс» Волковым и Гордиенко. Это наши

опытные ученые с многолетней практикой. Они всегда участвовали в навигации и ледовых разведках. Я хочу привлечь весь актив Арктики к решению задач навигации этого года.

...Наш самолет летит уже восемь часов. Мы находимся в зоне Арктики и запрашиваем Амдерму о приеме. Погода благоприятствует, и вскоре наш воздушный корабль идет на посадку.

Мы пересаживаемся в автомобиль и едем в Амдерму, которая издали напоминает своеобразный рабочий поселок. Когда-то здесь был рудник, но из-за нерентабельности он закрыт. Поселок неуютный, здесь все кажется временным, экспедиционным. Чем-то он напоминает джек-лондоновский Клондайк.

В Амдерме районный центр, и руководители района живут надеждой на развитие каменноугольной промышленности, которая будет снабжать топливом Ленинградскую, Мурманскую, Архангельскую и Вологодскую обла[illegible].

После шестичасовой стоянки в Амдерме самолет взял курс на остров Диксон, где находится морской порт. По всей трассе Северного морского пути за двадцатилетний период выросли полярные городки: Амдерма, Диксон, Игарка, Тикси, Певек, Чокурдах, Шмидт, Провидение. Еще на моей памяти это были пустынные места, где бегали песцы и гнездились птицы. Теперь это большие населенные пункты, жизнь которых связана исключительно с Великой северной магистралью. Кроме того, по трассе размещено свыше сотни мелких полярных станций.

Самолет летит над просторами Арктики. Мы уже утратили грань между днем и ночью. Солнце не заходит за горизонт. Едва коснувшись его, оно вновь взбирается с необычайной легкостью по небосклону, заливая красными длинными полосами весь видимый горизонт.

Изумительное зрелище!

Наш художник прилип к стеклу и неотрывно любуется красотами Севера. Наконец он поворачивается к нам и восторженно говорит:

— Смотрите, смотрите, тройное солнце! Где вы увидите такое?

Низко, у самого горизонта, раскаленный шар солнца дал отражение и вниз и вверх. Сквозь утреннее нежное облачко пылает горизонт. Полный штиль. Кажется, и воздух здесь звенит.

Художник Рубан прав, что здесь, на Севере, куда ни посмотришь, все можно писать. Но это только кажется. Надо Арктику изучить, надо понять ее смысл и характер, надо научиться отличать главное от второстепенного, увидеть типичное и свойственное ей. И художник изучает ее вот уже одиннадцатый год. Арктика стала темой его жизни и местом постоянных его скитаний, подчас нелегких. В своей работе он уже на подступах к раскрытию характера Арктики.

Мы пролетели полуостров Ямал, Обскую губу, куда несет свои воды одна из величайших рек земного шара, Обь, протяжением около семи тысяч километров. Мы оставили позади Гыданский полуостров и вышли к Енисейской губе. Сюда, на линию острова Вилькицкого и Диксона, сбрасывает воды вторая великая сибирская река — Енисей.

До самой Игарки — на протяжении 700 километров — река судоходна для морских кораблей. Ежегодно за сибирским лесом сюда приходят океанские суда, в том числе и иностранные. Здесь их гостеприимно принимает спокойная игарская протока, достигающая 40-метровой глубины.

Около Енисейского залива мы попадаем в густую облачность, и на запрос о приеме Диксон отказал нам: закрыт туманом.

— Перестраховывается, — сказал Виктор Федорович.— Ну, ладно. На сей раз настаивать не будем.

Самолет берет курс на Усть-Тарею.

В таких местах, как Усть-Тарея, есть маленькая гостиница и столовая. Экипаж самолета и пассажиры всегда найдут себе здесь приют.

— Усть-Тарея, — говорит Виктор Федорович,— славится рыбой свежего копчения. Чир. У каждого начальника северного пункта есть свой конек, своя примания. У одного чир, у другого нельма или осетр, как на Индигирке, у иного грибы, соленья, местные ягоды, особый квас, а у некоторых, как на Яне, гагачья перина

Бархаянов все это хорошо знает. Он знает каждого работника в Арктике не только в лицо, но и по имени и отчеству. Ему известно до мельчайших подробностей все, что делается и в каждом морском порту: где остались депонированные грузы, где ошибочно отгруженные, где и при каких обстоятельствах идет каждый из кораблей, где капитан толковый, а где и «волос», что означает на морском жаргоне «шляпа».

Словом, магистраль великая, а вся она видна, как на ладони.

Мы идем на посадку среди широкого простора тундры. В стороне одинокие домики обитателей этого полярного пункта.

— Ну, как дела? — спрашивает Бархаянов хозяина этого пункта.

— Хорошо, Виктор Федорович,— отвечает плотный человек в кожаном костюме. И я думаю, что, наверное, это бывший летчик, переставший летать. «Сколько ни летай, а приземлишься»,— как говорят они.— Гостиница только маловата. Бывает, погода загонит ко мне много гостей — тесно[illegible]

— Из Игарки могу лесу дать. Можете на месте построить двухэтажный дом?

— Человека четыре плотников дадите — можно и трехэтажный [illegible]

В столовой, чисто прибранной, нас действительно угощают такой рыбой, о которой можно сказать: пальчики оближешь.

— Много рыбы заготовили?

— Тонны полторы, больше не нужно. Гусей накопили достаточно, оленей скоро будем забивать.

— Добро,— сказал Бархаянов.

И снова самолет идет в густых облаках. Но вот командир набирает высоту и, пробивая облачность, выходит на простор, в заоблачную высь. Здесь ослепительно ярко светит солнце, и мы несемся словно в голубом безграничном океане. Поразительно широка эта Арктика!

А внизу облака неземной белизны, как нагромождения торосов самой причудливой формы, в которых можно увидеть все, что угодно, лишь дать волю фантазии: она дополняет любое сходство. И когда в одном из облаков я увидел «Моисея» Микеланджело, художник Рубан сказал:

— А что вы думаете? Очень похоже.

Диксон — центр западного сектора Арктики. Здесь районное управление Мурманского пароходства. Морской порт, радиометеорологический центр, обсерватория. В Диксоне более сотни двухэтажных домов.

На легковой машине мы едем в гостиницу. Как и везде в Арктике, это — двухэтажное деревянное здание комнат на двадцать с просторным рестораном. Здесь угощают отличной олениной. Пассажир отсюда может послать телеграмму: в вестибюле есть почтовое отделение.

На пути мне попадается много знакомых по Арктике. Здесь я встретил старого полярника Хворостанова, известного мне по челюскинской эпопее.

— Что же, так все время и живешь на Севере? — спросил я его.

— Да вот уж больше двадцати лет арктического стажа.

— А когда переселяться на теплую землю?

— Через пять лет. Получу пенсию — и тогда на юг куда-нибудь, помидоры разводить, — смеясь, говорит он.

Таких работников на Севере много.

Мы вышли на улицу. День пасмурный, мрачный. На улицах грязно. Обдавая проходящих брызгами, несутся автомобили.

Диксон не может понравиться по первому впечатлению: унылое место, туман, слякоть, дождь. Хворостанов говорит, что это впечатление создается погодой. Будь солнечный день — и восприятие иное. Полярники здесь живут годами и не меняют Диксон ни на какой другой район Арктики. Очевидно, есть в нем что-то привлекательное, чего сразу и не разглядишь.

Хворостанов заведует здесь партийной библиотекой, которая находится в отличном доме, устлана коврами и очень уютна. Зимой, в пургу, читатели библиотеки действительно, отдыхая, работают.

Мне хотели показать среднюю школу, больницу, ясли, аптеку, магазины, также расположенные в двухэтажных домах, но я, не зная планов Бархаянова, воздержался, перенеся осмотр на обратный путь.

Кругом новые двухэтажные дома. Я попытался пересчитать их, но домов было так много, что глаз не охватывает.

— У вас жилищного кризиса, должно быть, нет?

— Что вы,— торопливо вмешался Тронов из политотдела,— очень большая нужда! Строить не успеваем. Никак не угонимся за жизнью. Да, по правде говоря, много здесь живет и лишнего люда. Вот, например, одних бухгалтеров в Диксоне развелось человек сорок. А я думаю, с лихвою хватило бы человек пятнадцать. Диксон-то ведь севморпутский, здесь другого ведомства только торговые работники.

Мы оставили Диксон условной ночью. Наш воздушный корабль, как зовет его командир Бахмутов, набрал высоту, и мы летим почти в осязаемо видимых воздушных потоках. Почти треть нижней части небосвода полыхала огненно-яркокрасным пламенем. Что-то мистическое было в этом зрелище. Казалось, загорелась Арктика и этот пожар ничем не потушить. Но все это было только рождением большого арктического дня.

Бархаянов вдруг в пути изменяет маршрут Диксон — Тикси. Он дает маршрут на Лену, по которой идут на побережье Ледовитого океана гигантские плоты круглого сибирского леса. Иногда эти плоты «обсыхают» и обрекаются на гибель. Никакие буксиры не в состоянии стянуть прочно «обсохший» плот. А всякие работы по спасению «обсохшего» плота нерентабельны, хотя плот и стоит около двух миллионов рублей. Осенью «обсохший» плот вмерзает, а весной полые воды бурной реки поднимают его, и он, не управляемый человеком, разбивается, бревна разносятся по берегам рек, островам дельты и в океан.

Вот и сама красавица Лена. Самолет плывет над Леной, крутые берега которой иногда представляют нагромождение пирамид с отшлифованными гранями, ущелии, таинственных пещер, редкостных утесов.

А в зоне лесотундры высокие склоны берегов поросли деревьями, кустарниками, травами, и оттого берега кажутся обтянутыми разноцветным ковром: зеленым, оранжевым, желтым, красным.

Река широкая, величавая, как море. С берега берега не видно. Это третья с запада великая сибирская река.

Многочисленные острова, песчаные отмели при ярком солнечном свете кажутся белыми. И хотя река течет спокойно, все же она разбросала свои воды по рукавам и протокам. Вот в одной протоке показался караван. Буксир тянет вниз по течению много барж, на которых размещен целый поселок. Караван скрылся — и опять безмолвны и безлюдны красивые берега.

Выше по течению находится Сангарский каменноугольный бассейн, снабжающий топливом корабли Северного морского пути.

Навстречу торопливо пробежал белый многоэтажный пассажирский пароход «Иссык-Куль». Он совершает до Тикси регулярные рейсы. Пробежал пароход — и река как будто ожила. Стали попадаться длинные желтоватые ленты плотов. На них избы плотогонов. На плотах горят костры.

Самолет берет курс на Тикси, в дельту Лены, ширина которой — 83 мили. В этой дельте разбросано до 5 тысяч островов.

Якутский писатель Николай Гаврилович Золотарев сказал мне, что слово «Тикси» в переводе с якутского означает: «Бухта встреч». Здесь встречаются пресная вода с морской, речные караваны с морскими кораблями. Здесь в давние времена встретились якутские охотники с русскими купцами-землепроходцами. Здесь остановка, причал.

Яркий-яркий солнечный свет. В воздухе великое спокойствие, а на тиксинской земле шум людских голосов, гудки пароходов, сирены теплоходов, сигналы автомашин и даже мычание коров, которые вволю снабжают молоком многотысячное население заполярного Тикси.

Здесь лесная биржа, обеспечивающая кругляком и запад и восток Арктики. Сплавной лес заполняет бухту пришедшими плотами тысяч по десять кубометров каж-

дый. Тикси — самый оживленный морской порт в западном секторе Арктики.

Солнце заливает Тикси, и кажется невероятным, что 17 ноября оно надолго скроется. Лишь 7 февраля оно вновь робко, будто стыдливо, покажется чуть-чуть из-за горизонта. И тогда тиксинцы пойдут на Столовую гору, на поклонение солнцу, откуда скорей его можно увидеть. Этот день отмечается как праздник. Солнце напоминает работникам морского порта о приближении навигации.

В Тикси три района: радиометеорологический центр, морской порт, аэропорт и обсерватория.

Мы остановились в гостинице аэропорта. Здесь свой городок, со своей планировкой, со своей архитектурой. Хорошие, добротные дома, выросшие на вечной мерзлоте.

Наша гостиница четырехэтажная. Третий этаж служебный, четвертый состоит из одной большой обзорной комнаты, окаймленной кругом балконом. Отсюда открывается превосходный вид в сторону Лены, на острова, на бухту и на мыс Моустах.

Старая Арктика, с запущенными бородами зимовщиков в неопрятных и неуклюжих одеждах, холодная и неуютная, уступила место Арктике благоустроенной, теплой и удобной.

Бархаянов пригласил меня на совещание с работниками морского порта.

Мы выехали на легковой машине, и мне, изъездившему восточный сектор Арктики на собаках, особенно приятно было ощущать удобство современного транспорта Севера.

— Вот эти дороги тяжело здесь строить,— говорит Виктор Федорович.— Они проложены по тундре, и много нужно труда, чтобы их насыпать. Щебенка, гравий и мелкобитый камень тонут в тундре, как в трясине, и она со своей вечной мерзлотой кажется ненасытной. Но люди все-таки победили ее. Теперь видите, как плавно бежит автомобиль, а ведь сначала здесь ходили только гусеничные тракторы.

Мы свернули в сторону карьера, где рвали вечную мерзлоту экскаваторы, вгрызаясь в естественный щебень и насыпая его в самосвалы. Машины вереницей, одна за другой, подставляют свои кузовы и бегут на строительство дороги.

Веками лежала никем не потревоженная тундра, и полтора десятка лет тому назад, когда в Тикси стояли две охотничьи избушки, мысль не могла придти в голову, что здесь пройдет автомобиль.

Солнце озаряет молодой городок, стоит полный штиль, и только лязг железа и стали оглашает окрестности Тикси.

Но, въехав в Тикси, наша машина застонала и рывками пошла по ухабам и грязи. Поразительный обычай бытует часто у нас. Идет отличная дорога на десятки, на сотни километров, но при подъезде к городу она вдруг исчезает, и вы едете, а вернее, пробираетесь, по выбоинам, по колдобинам. Непонятно: почему у строителей такое варварское пренебрежение к городам и другим населенным пунктам? Бархаянов обращает на это внимание и сердится.

Просторный кабинет морского порта, устланный коврами (любят на Севере ковры), с великолепным видом на бухту, на улицы Тикси.

В кабинете шумно. Здесь человек двадцать работников порта, работники обсерватории, капитаны стоящих в порту судов.

Бархаянов прежде всего интересуется синоптической обстановкой. Молодой человек в кителе весьма толково докладывает о циклонической деятельности, демонстрируя на карте направление воздушных потоков. Вслед за ним начальник обсерватории, гидролог, сообщает о ледовом состоянии в радиусе действия своей обсерватории.

Бархаянов, выслушав сообщение, решил изменить свой маршрут. Он решает лично выйти на ледовую разведку и затем уже на восток, на дрейфующие станции.

Совещание прекращается в 10 часов вечера по местному времени. Здесь разница во времени с Москвой шесть часов. Я никак не приспособлюсь к этим частым изменениям во времени: то на 3 часа, то на 4, то на 6 часов.

Через два часа нас, полусонных, самолет выруливает на взлетную площадку. В утренней тишине гулко ревут пропеллеры. Гидролог занял место в кабине пилотов, где у него широкое обозрение. Он уже приготовил свою тетрадку для зарисовки состояния льдов.

Наш колесный самолет покинул землю и уклонился во льды. Кругом ледовые поля. Льды, льды, бесконечные льды. Клонит в сон. Этому способствует и монотонный гул моторов и винтов и то, что мы не выспались. В голову лезут нелепые мысли. Если что знаю в подробностях. И теперь, когда я сижу в самолете уже шесть часов, мне невольно лезут в голову всякие истории. Отвлечься от этого нечем. «Жизнь во мгле» не читается. Начать разговор с Бархаяновым, который прилип к окну и все время смотрит на льды, не стоит. Он обязательно начнет: «А вот у меня был такой случай...» — и опять будет рассказывать про какую-нибудь аварию.

И я думаю, какая же все-таки должна быть вера у летчиков в механизм моторов, чтобы смело вверять им жизнь в течение многих часов и летать там, где всякая возможность посадки исключена. Я эту мысль потом высказал Бахмутову.

— А мы не думаем об этом,— ответил он.— В поезд садятся —

Гидрологу предлагается в нольноль тоже быть готовым к отлету.

Начальник порта докладывает о продвижении кораблей и подготовке к навигации. Ожидаются трудности в своевременной обработке судов. Нужно 700 грузчиков, а их всего 400. Погрузка леса также отнимает людей.

— Удивительное дело,— говорит Бархаянов,— в маленьких арктических пристанях, когда приходит к ним пароход, объявляется аврал по разгрузке судна. Работают все, и корабль досрочно отпускают. А у вас, видите ли, город, народу так много, что некого и мобилизовать? Обработка судов должна проходить в кратчайшие сроки, иначе вы заморозите корабли. Вы сами понимаете, что это значит?

Вы говорите, что плоты у вас идут нормально. Я уже был на ленской трассе. Там один плот, 400 километров отсюда, по-моему, находится в критическом положении. Это место для плотов опасное. У нас уже «обсыхали» там плоты. Надо срочно принимать меры.

случится с моторами, садиться негде. Вот так однажды летчик Томилин при вынужденной посадке едва сел, как самолет затонул. Экипаж успел выбежать на льдину. Летчики простояли на льдине 16 часов, пока не обнаружил их Иван Иванович Черевичный. Он сбросил им клипер-бот, продукты. Но бот упал в восьми метрах от льдины. Конечно, можно и доплыть до него, но после ледяной воды негде согреться. Тогда они разрезали белье, скрутили шнур и, привязав кусок льда, забросили его на клипер-бот и подтянули. Через 8 часов появилась летающая лодка и села в стороне. Где на боте, а где перетаскивая бот по льдинам, экипаж пробрался на самолет.

Выручить товарища из опасного положения — это высший долг летчика. Такая благородная традиция настолько бытует у арктических летчиков, что с риском для собственной жизни они смело вылетают на помощь товарищу, терпящему бедствие.

В буднях Арктики есть и трагические истории. Я почти все их

Ферма в Тикси. На снимке: доярки, участницы ВСХВ А. И. Полетаева (слева) и В. В. Завьялова. От каждой коровы они надаивают по 5 тысяч литров молока.

не думают об опасности, хотя процент аварий на железных дорогах выше, чем в авиации.

Бархаянов оторвался от окна, и я показываю ему на часы: через 7 часов вы обещали быть снова в Тикси.

Вместо ответа он показывает приготовленную радиограмму: «Пароход Лена капитану Ветрову Александр Иванович поздравляю отличной проводкой корабля желаю счастливого плавания рекомендательный курс сбросил вымпелом ВФ».

И, улыбаясь, он говорит:

— Надо же поприветствовать экипаж «Лены». Сейчас покажется на горизонте.

Гидролог закладывает в трубку карту с ледовым состоянием, рекомендательный курс и передает штурману — специалисту по сбрасыванию вымпелов.

Показался корабль. Он был одинок во льдах. И мы летели

одиноко. А вот теперь, при нашей встрече, кажется, и корабль и мы не одни в этих просторах.

Мы зорко вглядываемся в окна. Бархаянов ушел в кабину пилотов. Бахмутов манит пальцем и меня. Отсюда хороший обзор. Казалось бы, ну что особенного: корабль как корабль, а у нас это вырастает в радостное событие.

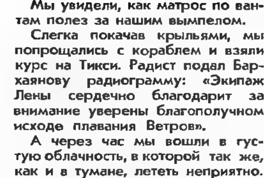
Самолет снижается и быстро приближается к кораблю.

Он стоит как будто неподвижно, на самом же деле идет со скоростью восьми миль в час. Самолет сделал крутой вираж, и мы увидели, как по палубе забегали люди. Корабль поднял флаги, и Виктор Федорович обращает мое внимание:

— Приветствует,— говорит он.

С каким-то необъяснимо теплым чувством мы даем еще круг над кораблем, перебегая в самолете от борта к борту.

Потом самолет заходит на бреющий полет и идет прямо на корабль. Не доходя до него, штурман выбросил вымпел со шнуром, и он повис на мачте корабля.

Мы увидели, как матрос по вантам полез за нашим вымпелом.

Слегка покачав крыльями, мы попрощались с кораблем и взяли курс на Тикси. Радист подал Бархаянову радиограмму: «Экипаж Лены сердечно благодарит за внимание уверены благополучном исходе плавания Ветров».

А через час мы вошли в густую облачность, в которой так же, как и в тумане, лететь неприятно. В силу неопределенности мозг как бы выключается, и ты не участвуешь в полете, ты ничего не видишь, за исключением высоты и курса по приборам штурмана, висящим в салоне.

Всякая неопределенность неприятна, но в воздухе это особенно чувствуется.

Мы сидим с Виктором Федоровичем перед штурманским довольно обширным столом, за которым можно бы усадить человек восемь. Сейчас на нем лежат карты.

Штурман докладывает, что Тикси не принимает. Радист связался с Косистым, и хотя там погода неважная, но Косистый примет нас.

Меняем курс, и наш штурман с необычайной легкостью прокладывает по линейке карандашную дорогу.

— Ох, и грибочки там у него! — говорит Виктор Федорович.

Не прошло и часа, как Косистый заложило густым стелющимся туманом, исключающим всякую посадку.

С той же легкостью штурман проложил свою обычную дорогу на Яну, и самолет лег курсом на Усть-Янск.

Бархаянов посвистал слегка и сказал:

— Есть хочется.

Он словно чувствовал, что механики уже на плитке вскипятили чай, на цистернах накрыли стол, подали сыр, копченого чира, холодные оленьи котлеты, консервы.

— Надо будет при всех обстоятельствах садиться в Усть-Янске,— говорит Бахмутов.

— Да,—согласился Бархаянов.— Но нам надо спешить. Навигация сложная. Завтра же нужно на дрейфующие станции. Я хочу этих арктических колдунов Волкова и Гордиенко немного оторвать от теоретической науки. Вместе с ними мы облетаем Врангелевский массив и кромку у мыса Сердце-Камень. Только сесть у них трудно.

— Я знаю,— сухо сказал командир.

— Так как, Иннокентий Григорьевич, сумеем там сесть или нет?

— Сядем,— будто безразлично ответил командир.

Между тем и Усть-Янск не дал согласия на посадку.

— Неужели перестраховывается? Начальник там не такой человек. Пошлите ему вот эту радиограмму: «И все же предлагаю самолет принять, не исключена вынужденная посадка Бархаянов».

Ответ последовал незамедлительно: «Принимаю но ответственность с себя снимаю».

Командир махнул рукой и спокойно сказал:

— Нам не нужна его ответственность: на нее не сядешь.

Бахмутов сел за штурвал и через некоторое время стал пробивать облачность.

С точки зрения летчика, это — обычное дело, но пассажир не может равнодушно смотреть, как самолет теряет высоту. С 2 000 метров она упала на 1 500, на 1 000, на 500, а земли все еще нет и нет. Вот почти нулевая высота, и у тебя начинает захватывать дух, и, разумеется, не от остроты приятных ощущений.

Вдруг мелькнула лента реки Яны. Заблестели озерки так отчетливо, как на ладони. Самолет заходит на посадку. И в этот момент, после одиннадцатичасового беспрерывного полета, у меня такое состояние, что я готов обнимать летчика.

Нас встречает молодой человек.

— Почему не принимали самолет? Погода ведь позволяет! — сердито сказал Бархаянов.

— Погода неважная, а в Чокурдахе хорошая.

— А кто заправит в воздухе наши баки? Господь бог? А, впрочем, почему вы, синоптик, принимаете самолет? Какое отношение вы имеете к авиации? Вас даже ругать нельзя.

— Начальник выехал забивать оленей для гостиницы... Когда назначаете вылет?

— Как только позволит погода. Заправляйте самолет! — распорядился тут же отошедший Бархаянов.

* * *

Утро. Наконец-то и мы выспались на гагачьих постелях, под легкими гагачьими одеялами. Спали шесть часов, как убитые. Об этом побеспокоился командир Бахмутов. Уходя от самолета, он лукаво порекомендовал синоптику:

— Шесть часов держать плохую погоду.

— А он? — показывая на уходившего Бархаянова, спросил синоптик.

— Что он?! Начальники тоже должны спать.

— Есть! — весело сказал синоптик.

В гостиничном ресторане на столе была уже приготовлена великолепная уха из чира, муксуна и нельмы. Говорили, что рыба доставлена летающей лодкой с Индигирки, командир которой, как шофер такси, в поисках пассажиров и грузов носится по Усть-Янску. Он ругается, что не может выдержать конкуренции с гражданским воздушным флотом, тариф которого на некоторых перегонах почти в два раза дешевле, и пассажиры не хотят лететь с полярной авиацией. А летчик лично теряет на этом.

— Два советских ведомства не могут отрегулировать вопрос! — ругается летчик.

Бархаянов встал и скомандовал: «По коням!» — без завтрака.

— Да что вы, Виктор Федорович, на столе такая божественная уха!.. Как же так можно? Всего пятнадцать минут задержки.

— Пятнадцать минут бывают роковыми... На самолет. На Колыме позавтракаем...

Было очень грустно оставлять уху, но все-таки кусок нельмы я ухватил в газету.

Река Яна в половодье далеко заливает низменные, ровные тундры. Мы летим над озерной местностью. Жилых мест нет почти до самой Индигирки. Изредка встречаются оленьи стада.

Мы летим курсом на Колыму, минуя Чокурдах — большой поселок Главсевморпути. Он блестит желтизной своих новых двухэтажных домов. Поселок стоит на берегу широкой и полноводной реки Индигирки. Здесь зеркало ее вод напоминает морской лиман. Сколько на Севере огромных рек, которые по-настоящему еще не поставлены на службу человеку! Даже промысловое рыболовство все еще не развито как следует. А сколько в этих гигантских водоемах рыбы!

Виктор Федорович говорит, глядя на Индигирку:

— Какие здесь осетры! — И, разведя руки, показывает: — Вот такие. А нельма какая! А чир, муксун!

Мы подходим к Колыме, и пейзаж резко меняется. Равнины и пологие склоны гор покрыты массивами северной, невысокой лиственницы. Земля устлана зеленью трав. Самолет выходит на широкую реку Колыму. Она под крылом самолета делает крутые петли и блестит на солнце спокойной гладью. Вниз по Колыме, вдали виднеется море с белеющими льдами.

Здесь, на Колыме, почти не бывает туманов, здесь наибольшее количество солнечных дней. Летчики любят эти места.

Продолжение следует.

Погрузка круглого леса.

Китайская Народная Республика. На реке Хуанпу.

Группа студентов на набережной Ханчжоу.

Фото Дм. Бальтерманца.

На обороте: Ханчжоу. Озеро Сиху. Далеко разносится песня «Москва — Пекин».

Casali

Чайный колхоз в Медзяу. Крестьянки Сюй А-хуа и Сун Бао-чжен с детьми.

Рисовые поля близ реки Хуанхэ.

СЫН МОЕГО ДРУГА

Рассказ

Кришан ЧАНДАР,
индийский писатель

После трехлетнего молчания мой друг написал мне письмо. «Читая ваши рассказы,— писал он,— я разочаровался в вас. Вы могли стать большим писателем, но, в конце концов, стали борзописцем. В ваших рассказах нет ничего, кроме пропаганды и бесполезных наставлений. Конец ваших рассказов можно предвидеть, прочтя начало. Они уже не несут читателю прежнего удовольствия...»

Письмо было пространным. Старые слова, новые требования. Мой друг взобрался на пьедестал, с высоты которого его поучения звучали весьма красиво.

Он был очень богатым человеком, ворочал на черной бирже сотнями тысяч рупий. Хлопок, цемент, железо, бумага, моторы, автомобили, губная помада — чем только он не спекулировал! Товар, на который он накладывал руку, исчезал, а через некоторое время продавался из-под полы втридорога. При этом друг мой никогда не был привлечен к ответственности, потому что он делился с теми, кто его должен был привлекать. То есть, иначе говоря, он мимоходом покупал и продавал на черном рынке их честность и патриотизм.

Мой друг был человеком очень ловким и осторожным. Но, кроме того, у него была еще одна выдающаяся черта: он был ценителем литературы, любителем поэзии, увлекался чтением рассказов и романов. Библиотека его была весьма обширна. Он любил похвалить понравившегося ему литератора и был очень доволен, когда случалось оказать ему гостеприимство. Поэтому-то, получив письмо, я был немало опечален. Каждый, кто пишет, дорожит своим произведением, рад похвалам и огорчается, слыша о своих недостатках. В этом отношении литератор ничем не отличается от других людей, мечтающих о награде за свой труд.

Письмо пришло с дневной четырехчасовой почтой. Я прочел его, перечитал, прочел в третий раз и, сунув в карман, вышел из дома. Я шел, опустив голову, и печальные раздумья сопровождали мою прогулку. Неожиданно для себя я вспомнил возлюбленную моего друга.

В свое время, живя еще в Бомбее, он содержал любовницу, подобно тому, как люди держат попугаев, скворцов и обезьян. Это была жизнерадостная девушка, занимавшая со своими двумя слугами благоустроенный домик, обставленный креслами, диваном и радио. Прежний ее хозяин, оплачивавший все расходы по дому, называл ее Гулбано, но настоящее ее имя, которое она носила в детстве, было иным. Когда она перешла на содержание к моему другу, он дал ей новое имя — Рампьяри. Девушка эта была весьма простодушна: забывая о своем положении, она ждала любви от мужчины, которому принадлежала. Между тем первый хан-сахиб[1] давал ей деньги, но не давал любви. Да и как он, несчастный, мог ей дать то, чего у него самого не было и в помине? Не было любви и у моего друга. Но он недаром долгое время ворочал делами на черном рынке: в свои любовные дела он внес те же приемы. Он сумел воспользоваться доверчивостью Гулбано, то есть Рампьяри, внушив ей несбыточные надежды. Он так обвел ее вокруг пальца, что она, забыв о своем ремесле, начала петь песни любви. Тогда-то в доме Рампьяри родился ребенок — вылитый отец: те же карие глаза, светлые волосы, те же толстые губы. Друг мой очень любил своего сына, но после родов тело Рампьяри потеряло для него привлекательность и былой интерес. Кроме того, в те дни он уже стал задумываться над проектом постройки большого сахарного завода в Дели. В конце концов спустя несколько месяцев после того, как сыну исполнился год, мой друг неожиданно уехал из Бомбея, не сообщив ни Рампьяри, ни мне, ни кому-либо еще из друзей, куда уезжает. Он исчез так, как исчезали на рынке дефицитные товары. Теперь, через три года, от него пришло это письмо, и я, вспомнив о его возлюбленной, подумал: почему бы не навестить бедняжку, не узнать, как ее дела? Я давно ничего о ней не слыхал.

Когда я, доехав на пригородном поезде до Бандра, направился к дому Рампьяри, было уже шесть часов, и в переулке зажглись огни. Дом, в первом этаже которого жила Рампьяри, находился в конце переулка. Поднявшись по лесенке, я постучал. Из-за двери выглянул старый слуга. Поморгав глазами и наконец узнав меня, он улыбнулся и спросил:

— Сетх джи[2] приехал?

— Нет, я один,— ответил я.

— Заходите, заходите,— сказал он тогда, широко раскрыв двери и посторонившись,— заходите, пожалуйста.

— А где же бай джи[3]? — спросил я, входя.

— Она ушла.

С этими словами слуга несколько удивленно посмотрел на меня, словно хотел сказать: «Разве вы не знаете, что она каждый вечер в это время уходит из дому и возвращается только утром? Вы должны были бы понять, что такова ее жизнь, еще тогда, когда приходили сюда вместе с сетх джи. Что ж вы мне задаете сейчас такой вопрос?»

Я уселся на диван. Это был тот же диван, та же комната, та же цветочная ваза, радио, телефон, киножурналы, на подносе недокуренная сигарета. Из гостиной видна спальня, на кровати голубое платье, около — деревянная лошадка. Окинув одним взглядом помещение, я задал обычный вопрос:

— Ну, Рамбхаросе, как дела?

Быстро оглянувшись по сторонам, слуга сказал:

— Сахиб, мое имя теперь не Рамбхаросе, меня зовут Джон.

— Джон?!

— Да. И бай джи теперь уже не Рампьяри. Теперь она мисс Софи.

— Почему?!

Обнажив в улыбке грязные зубы, Джон сказал:

— Хозяин этого дома — купец, да? Он христианин. Сетх Браганза. Это все его. Он очень богатый человек.

— Ох!

Проглотив слюну, чтоб не плюнуть, я вспомнил, что и наша улица, на которой я жил, когда-то называлась Акбар-Род, потом она стала называться Сарджан Маклин-Род, а сейчас — Бхаунгилал-Чуунгилал-Род. Меняется хозяин, меняется и название собственности — рабство остается таким же.

— Будете пить чай?— спросил Джон.

Я промолчал.

— Или что-нибудь прохладительное?

— Дай ему пудинга!— сказал мальчик лет четырех.

С первого же взгляда я узнал его: те же золотистые волосы, большой лоб, карие глаза, толстые губы. Сын моего друга был одет в штанишки цвета хаки и красную рубашку. Я посадил его на колени и приласкал.

— Вы друг мамы?— спросил мальчик.

Слегка запнувшись, я ответил:

— Да.

Что я мог еще сказать?

— Мамы нет дома,— объяснил он.— Она по ночам никогда не бывает дома.

— Куда же она уходит?— спросил я как можно мягче.

— Уходит на работу,— чуть шепелявя, проговорил он.— Возвращается утром.

Немного погодя он предложил:

— Посмотрим картинки?

— Конечно, посмотрим.

Спрыгнув с моих колен, он пошел в спальню, принес оттуда годичное приложение «Таймс оф Индиа» и вновь уселся у меня на коленях. Затем вдруг о чем-то вспомнил, быстро сполз с колен и спросил:

— Закурите сигаретку?

— Нет,— сказал я.

— А моя мама курит. У нас все курят, почему вы не курите?

— Твоя мама курит?

— Да, курит сигареты, я покажу вам коробку.

Он в самом деле хотел за ней идти, но я его остановил.

— Не нужно, лучше иди сюда, и посмотрим картинки.

Мальчик начал листать страницы, на которых размещались цветные объявления. Первое, на что мы наткнулись, была реклама часовых магазинов.

— Это часы,— сказал он.— Все это очень хорошие часы! Какие вам нравятся?

Я указал на самые маленькие.

— Эти.

— Но ведь это дамские часы,— сказал он.— Вот мужские, большие.

— Хорошо, я подарю тебе эти.

Ребенок засмеялся. На следующей странице рекламировались косметические товары. Показав на крем, он сказал:

— Мама всегда покупает вот этот. И вот этот тоже. Подарите маме этот крем и флакон этих духов. И эту губную помаду.

— Хорошо, подарю.

Страница перевернута. Реклама бумаги. Канадская бумага. На рисунке густой лес, высокие-высокие деревья.

— Что это такое?— спрашиваю я мальчика.

— Это лес! В нем живет Тарзан. Он прикладывает руку ко рту и кричит вот так вот, как кошка! Ха-ха-ха! Я видел Тарзана в кино. Мама пошла туда и взяла меня. И с нами был анкл[4].

— Кто это: анкл?

— Вах! Вы не знаете, кто анкл?! У него большие-большие усы и красные-красные глаза. Я его очень боюсь. Однажды ночью, когда анкл спал у нас...

Я испуганно перевернул страницу. Открылось изображение пароходов «Ориентал Лайн».

— Это пароход,— сказал малыш.— Астимар[5]! Астимар!.. Вы знаете?

— Да, знаю,— успокоенно сказал я.

— Подарите мне! Мне нужен как раз вот такой пароход. Такой же большой и такой же белый.

— Хорошо, я подарю.

— А откуда вы достанете?

— Куплю на базаре.

— Ладно, но море тоже принесите.

— И море принесу.

— А где же вы его возьмете? Разве море тоже продается на базаре?

— Нет, море спит у Бандра-Хил. Как-нибудь я туда пойду, подкрадусь, наброшу на шею моря веревку и приведу его.

— На веревке?— радостно сказал он.— Так, как водят лошадей? Да, да, я тоже пойду с вами!

— Хорошо, мы пойдем вдвоем,— откликнулся я, листая страницы.

— Мама и анкл почти никогда не берут меня с собой. А другие мальчики выходят со своей мамой. Почему это так?

Я перевернул страницу. Вот реклама авто-

[1] Хозяин.

[2] Купец, коммерсант.

[3] Хозяйка, госпожа.

[4] Дядя (англ.).

[5] Пароход (англ).

ручек. Два вечных пера. У одной авторучки перо тонкое, у другой — толстое.

— Какая вам больше нравится? — спросил он.

— С толстым пером.

— Почему?

— Оно четко пишет.

— Ух! А мне с тонким пером.

— Хорошо, возьмем с тонким пером.

— Ладно...

— Пойдем дальше.

Дальше шел рассказ о военных. На картинке одетый в форму солдат бил в барабан.

— Кто это? — спросил я.

— Это я! Я бью в барабан!

На следующей странице какой-то человек нес полное ведро воды. Мальчик сказал:

— А это наш слуга.

Затем он быстро отыскал страницу, где были объявления о виски.

— Ага! — воскликнул он. — Вот это бутылка бренди. Моя мама пьет и бренди!

Он гордо поднял голову и спросил:

— Вы будете пить? Я принесу. Во-о-он там, под кроватью.

— Нет, бренди мне не нравится, оно очень горькое.

Печально кивнув головой, он согласился.

— Я тоже не люблю ничего горького. Вот, поглядите, у меня на ноге ранка, видите?

Он показал ранку, смазанную иодом.

— Она очень болит! Мама кладет на нее горькие лекарства.

— Горькие лекарства? — удивленно спросил я.

— Да, мама всегда кладет на нее горькие лекарства, и она у меня очень болит. А я хочу, чтобы положили сладкое лекарство, сладкое, как сахар!

— Я принесу тебе такое лекарство.

Мальчик тоненькими ручонками обнял мою шею и, прижавшись щекой к моей щеке, сказал:

— Обязательно принесите! Обещаете?

— Обещаю.

— Ладно... Сейчас я вам покажу очень хорошую вещь. Зажмурьте глаза!

Я зажмурился.

— Не открывайте глаза, иначе я вас убью!

С этими словами мальчик помчался в спальню. Там он вытащил из-под кровати два игрушечных пистолета. И вот он уже стоит передо мной, направив оба пистолета в меня.

— Бах! Бах! — громко кричит он и спускает курки.

Затем, сунув пистолеты в карманы штанишек, он по-военному отдает мне честь. Отдаю честь и я. Тогда он говорит:

— Посмотрим голубей?

— А где голуби?

— Спят в голубятне. Мама ночью не спит, зато днем спит, а мои голуби днем гуляют, зато ночью спят. Один из них — сахиб, другой — мем-сахиб.

— Какой же мем-сахиб?

— Тот, который так вот ходит, выпятив грудку, этот мем-сахиб. А однажды у него из хвоста выпали яйца, маленькие голубые яйца. Я одно яйцо раздавил в руке, а мама меня побила. Когда мама выпьет много бренди, она меня сильно бьет. Вот от этого-то и ранка на ноге... А после того, как побьет, она меня очень ласкает. Дает мне шоколадку. А однажды мама меня очень побила. Но это было в другой раз...

— Как же это случилось?

— А вы никому не расскажете?

— Нет.

— Я играл в переулке... А там был сын стиральщика белья [1]. Он бегает голышом, весь черный...

— Да, да, — подтвердил я.

— Я играл с ним и взял у него стеклянный шарик. Он сказал: «Отдай шарик!» А я не отдавал. Тогда он говорит: «Ты сын шлюхи! Ты сын шлюхи!..» Я заплакал и пришел домой. А мама меня сильно побила. Но она мне не сказала, что это такое — сын шлюхи. Вы знаете, кто это такие — шлюхи?

Я не смог ничего ответить. У меня язык словно прилип к небу. А в его большой головенке мысль продолжает работать. Толстые губы его выпятились. Он медленно проговорил:

— Моя мама хорошая, она не может быть шлюхой. Наверное, мой папа шлюха. Он и в дом-то к нам никогда не приходит. Конечно, он шлюха! Моя мама говорит, что он к нам никогда не придет. Почему он не придет? — спросил он, смотря мне в глаза.

Я быстро отвернулся и начал перелистывать «Таймс оф Индиа». Со страницы рекламы улыбался красивый ребенок. Взглянув на него, сын моего друга сказал:

— Я перережу ему горло!

— Почему?

— Перережу, и все!

— Но за что же? — снова спросил я.

— Он... Он... Зачем он смотрит на меня и смеется? — Голос малыша был тих, но в нем слышалась злобная ненависть. — Он всегда смотрит и смеется: «Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!..»

Быстрым движением мальчик полоснул картинку, порезав ее в двух—трех местах. Лицо смеющегося ребенка было изуродовано.

Я закрыл «Таймс оф Индиа», положил на стол и снял мальчика с колен. В руке у него был нож. Он с удивлением смотрел на меня.

Я позвал слугу.

— Рамбхаросе!.. А! Джон! Джон!

— Слушаю, саркар [2]!

— Я ухожу, братец.

— Хорошо, джи [3]. Что сказать бай джи?

В голове моей молнией пронеслись строки Фаиза:

«Не медли, раскрытые двери закрой,
К тебе не заглянет теперь уж никто!..»

— Что сказать? — тихо проговорил я. — Скажи, что никто не приходил.

Я погладил по голове ребенка, все еще стоявшего с ножом в руке. Выронив нож на пол и бросившись на диван, он зарыдал:

— Мама!.. Мама!.. Я пойду к маме!..

...Какой же рассказ напишу я, друг мой? Развлекательную новеллу о веселых ночах? Или об этом мальчишке, на шее которого я уже сегодня вижу петлю? О мальчике, который уже сейчас режет горло смеющегося ребенка?..

Да, друг мой, я знаю, что рассказ мой не доставит вам того удовольствия, которое вы получаете от коньяка с содовой водой и от любовной песенки шлюхи. Что ж я поделаю! До сих пор я не торговал своими произведениями на черном рынке, где вы продавали мою страну, честь павших за правое дело политических мучеников, честь наших сестер. Вы нажили на этом черном деле сахарный завод.

Я мог бы, торгуя своим искусством, сдобрить вашу жизнь сладким сиропом. Но я этого никогда не сделаю: передо мной стоит ваш сын, и мой рассказ борется за новую жизнь для него.

Перевели с хинди
И. Рабинович и П. Слётов.

---

[1] В Индии стиркой белья занимаются мужчины.

[2] Господин.

[3] Частица, выражающая уважение.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

«ДАУГАВА»

Рижский радиозавод имени А. С. Попова выпускает новую настольную радиолу — «Даугава». Шестиламповый приемник радиолы имеет четыре поддиапазона: длинноволновый, средневолновый и два коротковолновых.

В «Даугаве» впервые применен новый вид переключателя—клавишный. Нажатием соответствующей клавиши происходит включение радиолы на избранный диапазон или на воспроизведение граммзаписи. При пользовании электропроигрывателем необходимо поднять часть футляра со шкалой. Поворотная головка электропроигрывателя снабжена постоянными корундовыми иглами для пластинок. Одним только поворотом этой головки осуществляется переход на воспроизведение граммзаписи. При такой конструкции звукоснимателя не нужно часто менять иглы, так как корундовая игла рассчитана на 150 часов эксплуатации.

Новая радиола отличается хорошими электрическими и электроакустическими данными, а также высокими эксплуатационными качествами.

Н. ВАВИЛОВ

ШАШКА «НБК»

Тихо в таежном лесу. Сквозь кроны деревьев едва-едва пробивается свет. В эту предутреннюю рань в тайге появились люди... Взвился дымок, в 35 метрах от него — другой и в 70 метрах — третий. Вскоре облако густого дыма окутало лес и топи.

Это человек вышел на борьбу с таежными клещами и гнусом.

Таежный клещ... Еще около 20 лет назад человек не знал, что это маленькое, всего лишь в три миллиметра величиной, животное является носителем опаснейшей болезни — энцефалита.

Теперь советские ученые раскрыли тайну таежного клеща, изучили его повадки; они знают, что излюбленное место клещей — звериные тропы, где им легче нападать на животных: ежа, крота, бурундука, полевку — и на птиц: дрозда и рябчика. Если по тропе пройдет человек, на него также может напасть клещ и заразить его энцефалитом.

С появлением в дезинсекционной практике препарата «ДДТ» и гексахлорана для борьбы с гнусом в природе стали применять так называемый аэрозольный туман. В аэрозольном генераторе масляный раствор «ДДТ» или гексахлорана превращают в мельчайшие капельки, выделяющиеся в окружающую среду в виде тумана.

Но генератор — громоздкий аппарат, которым не всюду можно пользоваться. В 1953 году Институт малярии, медицинской паразитологии и гельминтологии направил в Куйбышевскую и Кемеровскую области научную экспедицию, которую возглавил лауреат Сталинской премии профессор В. А. Набоков. В этих местах экспедиция впервые применила в борьбе с клещами гексахлорановый дым.

Результаты превзошли всякие ожидания: когда рассеялся дым, то члены экспедиции установили, что клещи, находившиеся на расстоянии одного километра от места образования дыма, оказались парализованными и неспособными к нападению на зверя и человека. Клещи, находившиеся на расстоянии 300—500 метров от места образования дыма, все погибли.

На смену громоздким генераторам приходит портативная шашка «НБК» (начальные буквы авторов: Набоков, Бурлей, Казакова) весом всего в два килограмма.

Шашка «НБК» содержит гексахлоран и термическую смесь. Достаточно поднести зажженную спичку к смеси, чтобы начался процесс возгонки гексахлорана. Пары, соприкасаясь с более холодным наружным воздухом, конденсируются и образуют дымовое облако.

Гексахлорановый дым оправдал себя в борьбе с вредителями сельского хозяйства: долгоносиками, притворяшками, мучными клещами. Крымская государственная опытная станция применила шашки «НБК» в амбарах, сильно зараженных долгоносиками. Через сутки после обработки амбаров все находившиеся там насекомые погибли. Такие же результаты отмечают и работники Московской станции защиты растений.

Гексахлорановый дым эффективно уничтожает вредителей табака — табачный трипс. Высоко оценили эффективность шашек «НБК» и работники Научно-исследовательского института масличных и эфиро-масличных культур. Проведенные испытания против гусениц люцерновой совки на посевах арахиса, а также против амбарных вредителей показали, что уже на следующий день после дымления все эти вредители погибли.

Гексахлорановый дым окутал лес.

С благодарностью отзываются о действии шашек «НБК» представители Средне-Ахтубинского лесного хозяйства Сталинградской области. Здесь действие гексахлоранового дыма испытывалось на бабочках дубовой моли. Оказалось, что через час после дымления на участке было обнаружено большое количество погибших вредителей леса. А еще через два — три часа можно было наблюдать интересное зрелище: ярко светило солнце, было тепло, а вокруг, куда ни глянь, мелькало снежное покрывало — листья деревьев и траву осыпала погибшая дубовая моль.

И. ГЕЙЗЕР

ВИНОГРАДНИКИ ПЛОДОНОСЯТ НА ВТОРОЙ ГОД

Урожай третьего года.

Каждый знает, что молодое растение яблони начинает давать первые плоды спустя 5—10 и больше лет после посадки; виноградник обычно дает первый урожай на 4—7-й год. Специалистам известно, что расходы по уходу за одним только гектаром молодого растения до первого урожая достигают 15—20 тысяч рублей. Если учесть, что по всей стране ежегодно закладываются десятки тысяч гектаров новых виноградников, не трудно себе представить, что размер «мертвого капитала» может достигать многих сотен миллионов рублей.

В учебном совхозе Дагестанского сельскохозяйственного института удалось найти путь, позволяющий уже со второго года после закладки виноградника получать высокий урожай. Здесь на второй год было собрано 100 центнеров винограда сорта «галан» с одного гектара и 124 центнера сорта «ркацители». Растения справились с таким огромным урожаем без какого-либо ущерба для себя. На третий год урожай с этих участков увеличился в 2—2,5 раза. Используя этот скрытый резерв растения, можно получить по всей стране сотни тысяч центнеров винограда дополнительно, сверх плана.

Каким же образом удалось ускорить начало плодоношения виноградников? Наблюдения показали, что для этого нужно воспитать сильное растение, с мощными листьями, рано и хорошо вызревающими побегами, с мощной глубинной корневой системой.

К концу первого года хорошо вызревшие побеги подрезаются. После перезимовки их подвязывают горизонтально. Чтобы растение не истощилось, за ним нужен очень хороший уход.

Многие виноградари добились уже немалых успехов в распространении этого метода. А некоторые любители на приусадебных участках снимают на второй год до двух и более пудов винограда с одного куста!

Профессор М. ТУПИКОВ

КАМНИ МЕНЯЮТ ЦВЕТ

Могут ли камни изменять свой цвет? Могут. Известно, что многие камни под воздействием лучей солнца «выгорают». Теряют свои краски фиолетовый аметист, дымчатый кварц, желтый, как лимон, цитрин, винно-желтый, розовый и небесно-голубой благородный топаз, редкий, цвета чайной розы, камень фенакит, золотистый циркон — гиацинт... Уральские камнерезы, добыв, например, дымчатый кварц, запекали его в хлеб или в глиняные караван, равномерно прогревали в печке и превращали в цитрин. Но точных сведений о способах изменения цвета камней не сохранилось: они затерялись в веках.

Сотрудники Института кристаллографии Академии наук СССР профессора Г. Г. Леммлейн и Н. Е. Веденеева задались целью выяснить, почему обесцвечиваются камни.

Ученым удалось восстановить цвет некоторых минералов, направляя на них пучок лучей радия. Одни камни при этом окрашивались сильнее, другие слабее, а некоторые вообще не поддавались окраске — в зависимости от содержащихся в них примесей, в основном железа. Эти примеси были поглощены кристаллами во время их образования при высоких температурах, достигавших в глубинах земли 400—500 и более градусов.

Теперь оставалось решить вопрос: каким же образом в природе минералы подвергались облучению радиоактивных элементов — радия, тория и других?

Были найдены камни, окраска которых располагается ореолами, пятнами. Исследования под микроскопом показали, что в центре каждого пятна находится зернышко радиоактивного минерала. Идущее от него излучение и окрашивает камень. Это исследование навело Георгия Глебовича Леммлейна на мысль, что в тех случаях, когда под микроскопом не видно зернышек, а окраска камня существует,— источники радиоактивного излучения «растворены» до атома по всему кристаллу. Сколько в кристалле радиоактивного вещества, аналитически не удалось установить. Но когда нашли образцы с пятнами и выяснили интенсивность источника излучения, дающего 1—2 вылета бета-частиц в минуту, то подсчитали: для того, чтобы такой источник создал окрашенное пятно в камне, потребовалось несколько сот миллионов лет.

В результате было установлено, что камень меняет свой цвет под воздействием излучения, идущего от частиц радиоактивных элементов, поглощенных во время роста кристалла.

В природе на этот процесс требуются сотни миллионов лет. В лаборатории же ученый применил источники радиоактивного излучения в сотни миллионов раз большие, чем в природе. Камни удалось искусственно окрасить в течение нескольких часов или суток. Кроме радиоактивного излучения, можно применять лучи Рентгена и поток нейтронов.

Чистые кристаллы кварца имеют широчайшее применение в радиотехнике. Бесцветные, свободные от примесей кристаллы горного хрусталя служат для изготовления важных деталей оптических приборов. Природно окрашенные разновидности кварца — аметист, цитрин — наряду с другими окрашенными минералами применяются в ювелирной промышленности.

Итак, можно искусственно изменить цвет камня. Нагреванием его можно обесцветить, а облучением — окрасить.

Профессор Г. Г. Леммлейн в своем кабинете.

Фото Р. Лихач.

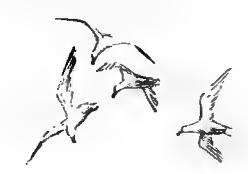
Б. ГРОМОВ

Донские стихи

Анатолий СОФРОНОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Вот снова Дон...

Вот снова Дон, луга и поймы,
Мартын, летящий наугад.
Как гильзы от одной обоймы,
Под солнцем ерики блестят.

Вот Дон, разъятый на три русла,
Перегороженный песком,
Пересекаемый искусно
Рыбачьим старым каюком.

Вот берега его, низовья
И копья острых камышей
У полукруга Приазовья
На месте бранных рубежей.

Волна в багряно-желтом свете
С плывущим солнцем на закат,
И с переполненною сетью
Рыбачий трудный перекат.

И сейнеров победный рокот,
И блеск подъятых якорей,
И у причалов вечный клекот
Летящих чаек-рыбарей.

И этот свет, и этот ветер,
И вдруг открывшийся простор
Тебе милей всего на свете,
И навсегда, как до сих пор!

И пусть ты адрес переменишь,
В далекой будешь стороне,
Но этим землям не изменишь,
Ни вербам этим, ни волне.

С каких бы странствий ни явился,
От радости иль от беды, —
Как будто вдосталь ты напился,
Увидев Дон, живой воды!

Мать

Белая хатка над Доном стоит,
Окнами всеми сверкая.
Тополь над ней одинокий шумит,
Крышу листвой прикрывая.

Старая в хате казачка живет,
Старше, чем тополь высокий.
С ней говорит он, беседу ведет,
Слушает топот далекий.

Было у матери пять сыновей —
Ни одного не осталось...
Ветер холодный иль жжет суховей, —
Ей неизвестна усталость.

Белый она накрахмалит платок,
Черную кофту наденет,
Так и выходит к развилке дорог
Каждое воскресенье.

Всех сыновей проводила она
В годы сражений и бедствий,
В хатке у Дона осталась одна
С тополем белым в соседстве.

Тополь ветвями тихонько шумел,
Гул покрывая дорожный,
Словно отвлечь от печали хотел
И от раздумий тревожных.

...Парус рыбачий по Дону скользит,
Байду к воде наклоняя,
Где-то рыбачья песня звенит,
Ветер в лугах обгоняя.

Сушатся сети под солнцем степным,
Запах акации сладок.
Вьется над берегом струйкою дым
У пионерских палаток.

Дети приходят к казачке домой,
Пол деревянный помоют,
Машку, корову, накормят травой,
Сочной травою степною.

Дети придут и уходят опять,
Скроют их теплые дали.
И одинокой останется мать
В горе своем и в печали.

Вслед улыбнется детишкам она,
Мягко махнет им рукою...
Тополь шумит и шумит у окна,
Тихо шумит над рекою...

Трава луговая

Что за сено — трава луговая:
И сочна и красива на вид!
По травинке волне отдавая,
Катерок вверх по Дону спешит.

Будто дом с камышовою крышей,
Скаты — кровли железной ровней...
Моторист и мотора не слышит:
Сердце бьется мотора сильней!

На лугу там осталась дивчина,
Хороша, девятнадцати лет,
Час назад — кто откроет причину! —
Мотористу ответила: «Нет!»

Все, казалось, имеет парнишка:
Чуб чернявый и взгляд огневой —
И читает научные книжки, —
Словом, парень вполне с головой.

Нет и нет! Не найти объясненья,
Больше слова и выжать не мог!..
Ветер теплый еще, но осенний
Гонит Доном дубовый листок.

Мчится лодка, ломая теченье,
И преград ей в движении нет!
А ему вместо счастья — мученье
В двадцать только что прожитых лет!

Что за сено — трава луговая!
Что за тайную горечь хранит!
...По травинке волне отдавая,
Катерок вверх по Дону спешит.

Огоньки

Мотор лопочет у рыбхоза,
Над Доном дремлет старый сад.
Зеленокрылые стрекозы
На камышах, качаясь, спят.

За горизонтом солнце скрылось,
По Дону блики расплескав,
И от воды ночная сырость
Ползет на былки старых трав.

Спешит моторка по теченью,
В ней едет бакенщик седой.
Его прямое назначенье —
Огни поставить над водой,

Пусть, словно в кузне, цвет окалин
Окрасит заревом зрачки...
Один, другой! И замелькали
На глади темной огоньки.

Стучит мотор, как будто мелют
Пшеницу рядом или рожь...
А сбоку здесь — пески и мели,
И сразу сядешь, коль свернешь.

У дома бакенщика дочка.
И сколько здесь еще ей жить!!
Она бы рада этой ночкой
Огни над Доном погасить.

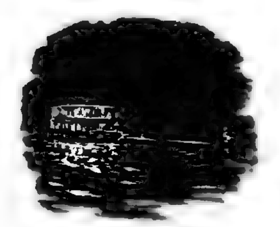
Какие мысли ей приходят!
Что делать с юной головой!
На пассажирском пароходе
Стоит, как влитый, рулевой.

Она приметила матроса,
Когда вдоль палубы прошла,
И для него в тугие косы
Ромашку белую вплела.

Хотя б услышать только слово!
Пусть, загудев во тьме, как шмель,
Свернув с фарватера речного,
Хотя бы раз он сел на мель!

Но нет, огни горят над Доном,
И перерыва нет нигде,
Как будто уголь раскаленный, —
Ближайший бакен на воде.

И вдруг вдали огней сиянье,
Гудок над берегом встает...
Идет в Ростов по расписанью,
Горя огнями, пароход.

Гроза в Новочеркасске

Смотря в просторы без опаски,
С лицом, для правнуков
открытым,
Стоит Ермак в Новочеркасске
Над вечным камнем,
над гранитом.

На голове шелом железный,
И в ножнах меч его булатный.
Он был земле родной полезным
В сраженьях грозных,
многократных.

Лежат у памятника цепи,
Под солнцем осени сверкая,
А впереди поля и степи,
Земля — кормилица донская!

Стоят студенты у гранита,
Читая письмена на камне
О том, что временем сокрыто,—
Великий подвиг в битве давней.

Они молчат... Клубятся тучи,
И гром грохочет по округе,—
Он так широк, и так он звучен,
Как будто бьет он по кольчуге.

Но неподвижно, прочно, смело
Стоит Ермак на пьедестале!
...Гроза над городом гремела,
И в тучах молнии блистали.

Старый рыбак

Старый рыбак по станице идет,
Солнцу осеннему щурится, —
Нет, не идет он, а словно
плывет,
Словно плывет он по улице.

Валенки теплые рано надел:
Ветра боится холодного...
Старый рыбак, так сказать,
не у дел,
Времени много свободного.

Выйдет на берег, где ба́йды
стоят,
Мотофелюги все новые,
Сети мотками уложены в ряд,
Сети, к путине готовые.

Трубку кубанским набьет
табаком,
Спичку зажжет и затянется...
Тот, кто родился и был
рыбаком,
Тот рыбаком и останется.

Байку расскажет, как в море
ловил
Рыбу — севрюгу саженную,
Как у нее на буксире ходил, —
Взял ее все же, скаженную!

Трубка погаснет, прощаться
пора,
Время — путина осенняя...
Мотофелюги гудят, сейнера́, —
Рябь на воде и трясение.

Долго рыбак у причала стоит,
Смотрит, как лодки
скрываются...
Солнце в осенний выходит зенит,
В реку лучом упирается.

Старый рыбак постоит и
вздохнет
Над недосмоленной лодкою,
Шапку надвинет и к дому идет
Неторопливой походкою.

Каждый прохожий ему норовит
Руку пожать, остановится,
Каждый прохожий ему говорит:
— Как ваше, деду, здоровьице!

— Здравствуй, папаша, —
скажет ему
Кооператор полнеющий.
Все на путине, а он на дому,
Впрочем, бывать ему где еще!

Вот, чуть качаясь, проходит
одна
Женщина с полными ведрами.
— Здравствуйте, — скажет,
склонившись, она,—
Быть вам попрежнему бодрыми!

— Здравствуй, дедуся...
Здравствуй, дедок! —
Всюду по улице слышится...
Ветер над Доном летит, ветерок,
Тополь над Доном колышется.

Что же о прожитой жизни
грустить
И о дорогах исхоженных!
Вот бы и нам по-рыбачьи
прожить,
Сделав, что в жизни положено!

Август — сентябрь 1955 года.

В счет 640 тысяч

Напомним читателям, о чем говорит цифра «640 000». В целях дальнейшего ослабления международной напряженности и установления доверия между государствами Советское правительство решило сократить к 15 декабря 1955 года численность Вооруженных Сил СССР на 640 тысяч человек.

К мирному труду возвращаются много молодых людей. Как же складывается их судьба?

...В одной из воинских частей Одесского военного округа мы увидели следующую картину: за столиком, окруженным солдатами, вел беседу человек в штатском.

— Хотелось бы попасть в экскаваторщики, да, думаю, надо немножко подучиться. Как насчет этого? — спрашивает солдат.

— Будете учиться. Условия следующие...

И тут начинается рассказ о том, как учебный комбинат строительства Сталинградского гидроузла готовит кадры квалифицированных рабочих.

В связи с сокращением Вооруженных Сил в частях округа работают около двухсот уполномоченных различных министерств.

Рядовой Иван Казначеев — танкист. И моторы хорошо знает и слесарь первоклассный.

— Можно было бы в любом месте устроиться,— говорит он нам,— да мне лес по душе. Еду в Бурят-Монголию на лесоразработки.

Павел Иванов пришел в армию из села Волково, Ленинского района, Тульской области. В армии стал отличным шофером. Теперь он едет строить железную дорогу на целинных землях. Вместе с ним отправляется его товарищ, тоже шофер, Иван Голенков.

Заключив трудовой договор, уволенные из армии получают подъемные — двести пятьдесят рублей на руки и столько же по приезде. Им оплачивают суточные за время пути и билет. По желанию, предоставляется месячный отпуск до начала работы.

...Машина идет полями. Мы едем вместе с младшим сержантом Иваном Крутием, бывшим командиром танка, в его село Шимково, Троицкого района, Одесской области. Проехали больше ста километров, спокоен сержант. Белая полоска подворотничка — и пыль ее не берет — оттеняет загорелую шею. Да вот не стало выдержки, заволновался сержант,— то чуб расчешет, то поправит фуражку: глазам открылись родные места!

Шимково лежит на крутоярах. Выскочила машина на гору—все село, как на ладони. На улицу въехали — только успевай здороваться.

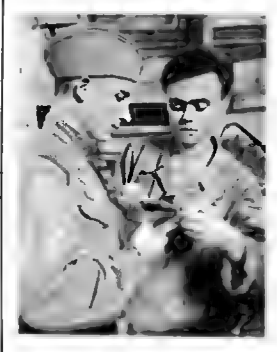
Остановились у голубенькой хаты. Куры шарахнулись по пустому двору. Никто не встречает. Окна закрыты. Замок на двери. Не ждали!..

Вдруг видим: бежит кто-то тропинкой, торопится. Вгляделся сержант, кинулся навстречу матери, крепко обнял. А та от радости в слезы.

— Машину увидела, сердце почуяло, что ты приехал.

Примчалась сестренка Оля, чмокнула в щеку, прибежал брат Сергей, прицепщик. А Меланья Петровна уже хлопочет, печь затопила, в погреб сбегала, стол накрыла.

— Ты куда же пойдешь теперь?— спрашивает Сергей у брата.

Мастер станочного отделения комсомолец А. Трошин знакомит Н. Тимофеева с новой работой.

Прощай, Черное море! Моряки В. Мирошниченко, А. Васильев, В. Чубаров и Б. Васильев, уезжающие на Сахалин.

— В трактористы. Я ведь до армии трактор водил, у меня стаж три с половиной года.

...Два друга-пехотинца, старший сержант Вацис Василяускас и младший сержант Евгений Колодийчук, приняли решение: едем работать в Донбасс.

— Значит, в шахтеры?

— Обязательно. Запишите адрес: трест «Свердловуголь», Ворошиловградской области. Шахту уточним по приезде.

Евгений Колодийчук до армии работал навалоотбойщиком в Кадиевке. Василяускас был плотником у себя на родине, в местечке Гайлю, Литовской ССР. Колодийчук убедил Вациса «пойти на уголек». Вместе писали письмо в шахтоуправление.

В Донбасс отправляются многие. Уполномоченные Министерства угольной промышленности показали нам пачки трудовых договоров. Будущие шахтеры просят направлять их партиями в одно место: создадим, говорят, комсомольские бригады!

Младший сержант Николай Тимофеев торжественно сдал оружие, спрятал в чемодан грамоту за отличную службу, попрощался со всеми друзьями. Впрочем, Тимофеев не уезжает из Одессы. Он поступает на судостроительно-судоремонтный завод.

Вместе с ним мы отправляемся к берегу моря, где высятся заводские корпуса. В отделе кадров Тимофеев сказал:

— Я бы хотел к станку, а вечерами хотел бы учиться в школе, так как задумал получить среднее образование.

— Было бы желание. У нас есть и школа. В этом году восемь рабочих окончили ее с золотыми медалями.

И вот Николай Тимофеев в цехе. Ему показывают станок, на котором он будет работать. Начальник цеха знакомит Тимофеева с мастером станочного отделения комсомольцем Анатолием Трошиным.

— Вот этот молодой товарищ будет вас учить.

Бывший командир отделения усмехнулся. Что ж, в армии он учил молодых парней, теперь пусть его поучат!

...Веселые, жизнерадостные черноморцы прощались с Одессой. Ушел в море их гвардейский крейсер, а пятеро остались на берегу: два Васильева, Борис и Алексей, Виталий Чубаров, Владимир Мирошниченко да Сергей Солонько.

Вчера их провожала команда. Куда же они теперь путь держат?

Оказывается, далеко от берегов Черного моря — на Сахалин. Заключили трудовые договоры и будут работать на стройках Сахалина.

— Едем через Москву. Конечно, побываем в Кремле, на сельскохозяйственной выставке, а там — и на Сахалин.

Чубаров, Мирошниченко и Солонько заедут за женами.

— А жены дали согласие?

— Иначе и быть не может!

Что ни встреча, что ни знакомство — у каждого свой ясный, избранный по желанию, новый жизненный путь.

В. ШУМОВ

Дело о подлоге

Из записок адвоката

Анатолий БЕЗУГЛОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Это было в самом начале моей практики. Помню, возвращаясь вечером из консультации, долго бродил я по шумным московским улицам. Бродил бесцельно, наугад, не замечая прохожих: дело о подлоге не давало мне покоя.

Услышь я о таком деле год назад на лекции в университете, забыл бы о нем через пять минут. Ничего необычного и сложного не было в этой простой истории. Сколько случаев более интересных ожидало меня с началом практики! Но теперь передо мною был не пример из учебного курса, не описание одного из бесчисленных юридических казусов. Пересеклись судьбы двух незнакомых мне людей, и от меня в известной мере зависело, как сложится дальше жизнь каждого из них.

Началось это дело для меня так, как начинается много других дел для других адвокатов.

В консультацию вошел человек в форме командира речного флота. Ожидая приема, он сначала нервно прохаживался взад и вперед, потом сел на диван и глубоко задумался. Беседуя с клиентом, я время от времени поглядывал в сторону не совсем обычного посетителя. Он избегал встречаться глазами с присутствующими: каждый раз, когда кто-нибудь невольно взглядывал в его сторону, он опускал голову, и густая краска заливала его широкое обветренное лицо.

Когда ему предложили пройти ко мне, он вздрогнул и с недоумением осмотрелся.

— Чем могу быть полезен? — спросил я, стараясь держаться как можно солиднее.

Мой клиент устало произнес:

— Не знаю, вряд ли кто-нибудь может быть мне полезен.

Он положил на стол бумагу, свернутую в трубочку и перевязанную голубой ленточкой — вроде тех, что служат для упаковки конфетных коробок. Это было обвинительное заключение.

«...Гражданин Сурин Алексей Николаевич, 1917 года рождения, беспартийный, женатый, имеющий троих детей, ранее не судимый...» обвинялся в получении денег по подложной доверенности.

Меня поразили два обстоятельства: во-первых, незначительность суммы похищенных денег — около 800 рублей. Во-вторых, отвратительный характер действий обвиняемого. Он подделал доверенность и получил деньги за товарища, который лежал в больнице в тяжелом состоянии.

— Сурин — это я,— негромко пояснил моряк.

В первый раз ясно увидел я его глаза: очень светлые, казавшиеся еще светлее на загорелом скуластом лице. В них было выражение какой-то детской обиды.

Я еще раз внимательно прочитал обвинительную часть заключения. Вина Сурина доказывалась следствием логично и обоснованно. Графическая экспертиза установила фальсификацию подписи.

«Но как же он решился на это? — подумал я.— Ведь по выходе сослуживца из больницы подлог обнаружился бы неминуемо».

Ответ был тут же, в обвинительном заключении. Оказалось, что не только доверенность на получение денег, но и наряды на работы, по которым эти деньги выписывались, были подложны. Костин (так звали сослуживца Сурина) просто не мог выполнить указанных там работ: он находился в командировке. Картина стала ясной.

В течение нескольких месяцев Костин работал по совместительству на соседнем заводе. Потом он выехал в командировку от своего завода, а в бухгалтерию другого продолжали поступать наряды на оплату работ, которых он не выполнял. Костин даже не догадывался об этом. И вот теперь, узнав, что кто-то, прикрываясь его именем, поживился за счет государства, он обратился в прокуратуру.

Мне стало понятным замешательство Сурина. Вероятно, какие-то особенно тяжелые обстоятельства толкнули его на этот безрассудный шаг. Надо выяснить это, и тогда ему легче будет говорить о своем падении.

Разговор я начал издалека. Мы долго беседовали о его жизни, о работе и незаметно подошли к событиям, связанным с обвинением. Мне хотелось знать, как он сам относится к нему, какую защитительную позицию хочет занять на суде.

Сурин пожал плечами и угрюмо сказал:

— Не знаю, никакой позиции у меня нет.

— Тогда скажите мне откровенно: почему вы не хотите признать свою вину? — осторожно спросил я.

— Да потому, что я не виноват. Никаких нарядов на работу я в глаза не видел.

— Но ведь вы же не отрицаете, что деньги по доверенности получили.

— Да, не отрицаю. Деньги я получил и занес их Костину в тот день, когда он вышел из больницы.

— Тогда почему же Костин не признает этого? Неужели он такой злодей, что из-за восьмисот рублей готов отправить в тюрьму невиновного человека? — усомнился я.

— Не знаю,— растерянно сказал Сурин,— он, конечно, не злодей... Для чего это ему понадобилось, понять не могу.

— Ну, а как вы объясните, что подпись на доверенности оказалась подложной?

— Не знаю,— вздохнув, ответил Сурин,— ничего не могу понять. Понимаю только, что всё на стороне Костина и всё против меня. Ничего не поделаешь: видно, судьба...

— Зачем же вы пришли ко мне? — вырвалось у меня.— Как же я смогу помочь вам, если вы сами капитулировали?

— Зачем пришел? — задумчиво переспросил Сурин.— Честно скажу, не знаю, жена настояла. Сам я, видите ли, никогда не понимал вашу профессию. С судами мне дела иметь не приходилось. Так, житейски, считал, что как жулика ни защищай, он жуликом и останется... А честного человека защищать? Чего ж его защищать? Факты сами покажут.

— А вот в вашем деле факты показывают другое.

— Так ведь от того, что вы судьям скажете: «Товарищи, он честный человек»,— дело-то не переменится.

Сурин раскрыл портсигар, и мы закурили. Странно, но я чувствовал какое-то непреодолимое дружеское расположение к этому добродушному, умному человеку. Я верил ему. Я, как и он, не мог объяснить фактов, не мог дать логического оправдания происшедшему, а все-таки поверил...

Сурин по-своему истолковал мое молчание.

— Вы мне не верите?! Я понимаю, вам это трудно сделать, но...

— Напротив, я верю вам,— прервал я его.— Вот познакомлюсь с делом, и тогда мы поговорим подробнее.

Прощаясь, Сурин сказал:

— Зря вы подумали, что я капитулировал, но факты — уж очень упрямая вещь.— Он застенчиво вытащил из бумажника маленькую фотографию, на которой я увидел радостные личики трех девчурок.— Ведь речь и об их жизни идет...

В этот день я ушел из консультации раньше обычного. Мне хотелось остаться одному, чтобы осмыслить встречу с Суриным.

Ночью я долго не мог заснуть. Передо мною все время стоял статный человек в форме моряка. Он строил канал имени Москвы, работал на нем много лет, стал инженером, затем был начальником шлюза. Четыре года воевал на Балтике.

Какой хороший жизненный путь, и какие нелепые поступки! Нет, он не может быть преступником!

На следующий день я сидел в канцелярии суда. Передо мною лежало дело Сурина. Ознакомление с ним повергло меня в полное смятение. Увы, Сурин не ошибся, говоря, что все факты на стороне Костина. Трудно было найти объяснения правдоподобнее и логичнее объяснений Костина. В его ответах следователю я чувствовал спокойную уверенность человека с незапятнанной совестью. Он положительно отозвался о Сурине и был несказанно удивлен, узнав, что тот совершил такое преступление. Подписи на нарядах, разумеется, не могли принадлежать ему, Костину. Они отличаются от его подлинных подписей, имеющихся на других документах. Да прежде всего он и не мог подписать их, так как был в это время в командировке.

Кто выписывал наряды? Заведующий цехом Васильев. Он, вероятно, и мог бы рассказать все об этой запутанной истории, но Васильев умер три месяца назад.

Читаю показания моего подзащитного. Они противоречивы. То он уверяет, что доверенность Костин принес ему на квартиру; потом меняет показания и говорит, что Костин зашел с доверенностью в контору. Почему же Сурин не сказал мне вчера, как он запутался?

А вот и графическая экспертиза... Доверенность подложна. Все доказано!

Мне вспомнилась вчерашняя встреча с Суриным. Теперь я не мог без раздражения думать о его добродушном, грустном лице, о невинных светлых глазах, о простоте и видимой сердечности. Так сыграть роль!

Охотнее всего я отказался бы в этот момент от защиты Сурина. Впрочем, я, кажется, так и сделаю. Скажу ему при следующем свидании, что я абсолютно бессилен помочь ему, и посоветую обратиться к другому адвокату. Это, разумеется, ужасно — дезертировать на первом же серьезном деле. Но ничего не поделаешь: адвокат тоже имеет право и на гнев и на презрение.

Однако тут же я почувствовал, что зашел слишком далеко в своем гневе. Вспомнилось известное среди адвокатов изречение: «Для защитника нет виновного, есть только обвиняемый». Какой же я защитник?! Нет, отказаться нельзя. Какие бы чувства ни вызывал во мне Сурин, я обязан его защищать.

С нетерпением я ждал новой встречи с Суриным. «Нет уж,— зло думал я,— теперь-то не раскисну, не попадусь на удочку!» Но вдруг вспоминал прямой, бесхитростный рассказ своего подзащитного, и невольно перехватывало горло. А что, если он действительно не виноват? Припомнились случаи из судебной практики. Разве не бывало так, что невиновный человек, полагая, что факты накрепко сложились против него и что не нужно раздражать суд бессмысленным упрямством, признавал свою вину только для того, чтобы к нему отнеслись милостивей? Если я уговорю Сурина признаться, то может случиться, что из-за моей неопытности и неумения честный человек лишится свободы, доброго имени, заслуженного уважения.

Я старался не поддаваться этим минутным колебаниям. И когда Сурин пришел в консультацию, я рассказал ему о всех фактах, говорящих против него, и попросил рассказать мне всю правду.

— Но ведь я же вам все рас-

сказал,— тихо ответил Сурин и поднял голову.

Меня словно ножом в грудь кольнуло. Опять эти глаза — светлые, ясные, измученные. Но я настойчиво продолжал:

— В таком случае скажите: где Костин вручил вам доверенность? Ведь вы же путались в этом вопросе на следствии.

Сурин вздохнул и почти шепотом ответил:

— Путался потому, что он мне ее не вручал.

— Как не вручал?

— Не вручал. Доверенность мне передала Зорина —секретарь нашей конторы. Она сказала, что Костин перед тем, как ехать в больницу, зашел и попросил ее передать доверенность мне.

— Ничего не понимаю. Почему же вы не рассказали об этом следователю?

— Да так вот получилось. Когда в прокуратуре спросили, где Костин вручил мне доверенность, я не придал этому вопросу никакого значения и сказал первое, что пришло в голову: «Занес домой». Прихожу домой и вдруг ясно вспоминаю: передала-то ведь Зорина.

— Что же вы умолчали об этом?

— Как вам сказать? — растерянно объясняет Сурин.— Когда я узнал, что Костин все отрицает, я пошел к Зориной и попросил ее рассказать, как было дело. Но она наотрез отказалась и подала мне заявление об увольнении. Что же мне оставалось делать? Если бы я рассказал об этом следователю, а Зорина не подтвердила бы моих показаний, то вышло бы, что я совсем запутался. Пусть лучше все останется так. Если у Костина есть совесть, все выяснится,— тоскливо заключил мой подзащитный.

— Нет, нет! Вы сделали очень правильно, рассказав мне обо всех обстоятельствах дела. Прошу вас еще вспомнить то, что говорила Зорина о посещении Костина.

Я тщательно записал рассказ Сурина и попросил его принести поданное Зориной заявление, чтобы проверить кое-какие возникшие у меня подозрения.

Хотя запоздалое признание Сурина пока что ничем нельзя было подтвердить, во мне снова вспыхнула вера в этого человека.

Я решил поделиться своими мыслями с коллегами. Почти все они соглашались, что, несмотря на очевидность обвинения, Сурину нужно верить.

И вот я снова в суде, и передо мною лежит то же самое дело. Но теперь я еще тщательней просматриваю каждую строчку, сомневаюсь во всем, кроме невиновности Сурина. И это приносит хотя и незначительные, но полезные плоды.

Я читаю показания Костина. И на этот раз не нахожу в них ничего нового. Но теперь они мне кажутся неправдоподобными именно своей абсолютной точностью, повторением из допроса в допрос одних и тех же фраз, деталей и оборотов речи. Создавалось впечатление, что, прежде чем дать свои показания, Костин весьма добросовестно их заучил.

Внимательный анализ нарядов на работу также дает мне кое-что. Стоя на позиции Сурина, я даю фактам иное толкование. Если допустить, что Костин — преступник, тогда он должен был поступать следующим образом: уезжая в командировку и не желая расставаться со своим заработком по совместительству, он договорился с Васильевым, что наряды ему будут попрежнему выписываться. Он мог заранее подписать несколько чистых бланков нарядов или поручил сделать это самому Васильеву. Так как после возвращения из командировки Костин оказался в больнице, он попросил Сурина получить деньги, которые ему не причитались. А когда ревизией на заводе мошенническая проделка была разоблачена, Костину не оставалось ничего другого, как отказаться от своих подписей и свалить все на Васильева и Сурина. Признай он подлинность доверенности, пришлось бы признать и все остальное. Попытка скрыть одно преступление привела к новому преступлению.

А экспертиза?! Но разве эксперты не могут ошибаться? Раз уж я брал все под сомнение, попробую усомниться и в заключениях графической экспертизы. Таких заключений было два. Там, где Костин отрицал свои подписи, экспертиза подтверждала его показания и устанавливала подложность подписей. Одна же подпись показалась и самому Костину сомнительной: он никак не мог решить, кто ее автор. Следователь снова обратился за помощью к экспертам. Они разъяснили, что нужен дополнительный материал. Я видел, что все подписи Костина, и признаваемые и не признаваемые им, состояли из первых двух букв и неодинакового по своей форме росчерка, и усомнился в достаточности графического материала вообще для какого-либо категорического заключения. Доверенность, правда, была написана не рукой Костина, сомнений в этом не было. Кто же написал ее? Может быть, Зорина? Ведь Сурин именно от нее получил доверенность. Надо заинтересоваться почерком Зориной.

Да, если Сурин говорит правду, Костин — преступник, а Зорина — его соучастница.

Наступил день суда. Процесс открылся при переполненном зале. Перед началом судебного заседания Сурин прохаживался по коридору и внешне был очень спокоен. Я наблюдал за ним. И это спокойствие несколько смутило меня. Так ли должен вести себя невиновный? А может быть, он слишком уверовал в меня? С моей стороны было бы большой ошибкой внушить ему такую уверенность.

После подготовительной части и оглашения обвинительного заключения начался допрос Сурина. Он повторил то же, что говорил на следствии. Показания Сурина произвели неблагоприятное впечатление. В конце допроса прокурор, усиливая это впечатление, спросил:

— Так где же все-таки Костин передал вам доверенность?

— Это было в конторе,— тихо ответил Сурин.

— А почему вы однажды показали, что это было у вас дома?

— Я просто ошибся.

— Разве вам так часто доверяли получать деньги по подложным доверенностям, что вы даже не помните, где вам их передавали?

Сурин так растерялся, что не ответил на этот нетактичный вопрос. Он только густо покраснел и беспомощно посмотрел на обвинителя.

А я все время думал о Зориной. Пока Сурин не сказал о ней ни слова. И это входило в мой план защиты. Но, может быть, я совершаю непоправимую ошибку, решившись на такой шаг? Пройдет ли допрос Костина так, как я его подготовил?.. Может быть, и нет... Однако приходилось идти на риск, так как иного выхода я не видел. Говорить о Зориной до допроса Костина было бы преждевременно и даже опасно. Нет, о ней должен заговорить сам Костин.

Наконец и он предстал перед судом. Среднего роста, в сером, хорошо сшитом костюме, он казался тихим и скромным человеком. В его походке и жестах было какое-то спокойное, внушающее доверие благодушие. И только упрямо вздернутый нос и излишне самоуверенный тон подействовали на меня неприятно.

Показания свои Костин давал не торопясь и не волнуясь, обдумывая каждую фразу. Он объяснил, что действительно работал по совместительству в вечернее время, но работ, указанных в нарядах, которые подписал Васильев, не мог делать, так как был в командировке. Доверенность Сурину он не мог дать, потому что ничего не знал о деньгах, выписанных на его фамилию. Кто дал эту доверенность, лучше всего знать самому Сурину, который получил по ней деньги.

Все это выглядело убедительно. Но я защищал Сурина, который не признавал себя виновным, и должен был упорно искать слабые места и в самых убедительных показаниях.

Кстати, необходимо заметить, что именно за упорство, с которым защитник всякий раз проверяет и перепроверяет свидетельские показания, он чаще всего получает упреки со стороны некоторых судей, считающих, что такое недоверие не к лицу советскому защитнику, что оно оскорбляет достоинство свидетелей.

Подобные рассуждения можно объяснить только непониманием того, что без этого упорства защитник не может выполнить своего долга. Особенно, если его подзащитный не признает себя виновным.

Однако вернемся к Костину. В своих показаниях он особенно настойчиво подчеркивал, что его подписи на нарядах и на доверенности поддельны, что он сразу же распознал это и экспертиза подтвердила его правоту. Но слишком настойчивым вниманием именно к этой части дела он только выдавал себя. Он показывал, чего он больше всего боялся: установления подлинности подписей.

— Скажите, свидетель,— обратился я к Костину,— почему вы так убеждены, что опознали все свои поддельные подписи? Разве их уж очень легко отличить от подлинных?

— Для кого как, а для меня легко, потому что я свою подпись знаю. Я сразу показал следователю, где поддельные, а где мои,— не меняя тона, ответил Костин.

В деле действительно имелся протокол с перечнем документов, которые предъявлялись Костину для опознания подписей. Но я был почти уверен, что Костин сначала знакомился с датой каждого предъявленного документа, а по-

том уже признавал или отрицал свою подпись. Уж слишком точен был отбор непризнаваемых подписей.

Я попросил у председательствующего на судебной коллегии дать мне возможность проверить это. Получив разрешение, я взял папку с документами и, закрыв дату одного из них, предложил Костину опознать свою подпись. Он долго и очень внимательно, рассматривал ее и, наконец, довольно неуверенно ответил, что эта подпись не его. Я попросил суд удостоверить, что в протоколе опознания подпись на этом документе Костин признал своей. Закрыв дату второго документа, я снова обратился к Костину с тем же вопросом.

Прежде чем ответить, он вытащил из кармана платок и вытер выступившую вдруг на лбу испарину. Длилась томительная пауза... Наконец он глухо произнес:

— Это, по-моему, не моя.

Но и на этот раз он ошибся. При предъявлении третьего документа Костин совсем скис. Куда девалась его прежняя самоуверенность?! Он стоял, понурив голову, бледный и потный. На вопрос: «Чья это подпись?» — он ответил: «Не знаю».

Хотя с точки зрения доказательной силы этот эпизод не играл решающего значения, но моральное поражение Костина было очевидным. В его воображении происшедшее могло показаться страшным. Теперь нужно было спросить его об обстоятельствах, на первый взгляд незначительных, и тогда он, желая снова показать суду свою искренность, станет говорить правду.

— Когда вы уезжали в больницу? — продолжал я допрос.

— Десятого декабря.

— Как вы себя чувствовали в этот день?

— Очень плохо. У меня была температура под сорок.

— Вы заходили куда-нибудь по пути на станцию?

— Да, в контору.

— Зачем?

— Чтобы сдать ключи от инструментального ящика.

— Кому вы их сдали?

— Зориной.

— А как вы оформили эту сдачу?

— Она написала мне расписку.

— Вы приступали после болезни к работе?

— Нет, у меня до сих пор бюллетень.

— А расписку сохранили? Вы можете предъявить ее суду?

— А как же? Вот она со мной.

Костин суетливо порылся в карманах и вынул какую-то бумажку. Председатель бросил на меня недоумевающий взгляд. Я попросил разрешения предъявить Костину доверенность и, положив рядом с ней расписку Зориной, спросил его:

— А эту доверенность Зорина написала по вашей просьбе?

Но здесь прокурор возразил против этого вопроса, так как в нем уже содержался нужный для меня ответ, что недопустимо по правилам нашего уголовно-процессуального кодекса. И я поплатился за свою ошибку.

Костин, видимо, решил, что прокурор заступается за него, и у него снова вспыхнула надежда.

— Я ничего не знаю! Я никого ни о чем не просил, — упрямо ответил он.

Мысленно я обругал себя. Упустить такой случай! Задай я этот вопрос в другой форме, может быть, Костин был бы уличен. Мой расчет, что Костин, застигнутый врасплох, скажет правду, провалился из-за необдуманной поспешности.

Я попросил суд, не объявляя перерыва, вызвать Зорину, и моя просьба была удовлетворена.

Так как свидетельница была вызвана по моему ходатайству, я получил право допросить ее первым.

Зорина не знала, что произошло в зале суда, не ожидала вызова в суд, — значит, она не подготовлена к каким-либо конкретным показаниям. Надо было немедленно воспользоваться этим. Я предъявил Зориной ее заявление об уходе с работы.

— Кто это писал?

— Я.

— А это? — Я положил перед ней расписку.

— Тоже я.

— А это кто писал? — спросил я, показав доверенность.

— Я, — не читая, ответила Зорина.

Я предложил ей прочитать содержание документа.

Она прочитала доверенность и долго не отрывала от нее глаз. Лицо ее залилось ярким румянцем.

— Почему вы писали ее от имени Костина? — продолжал я допрос.

— По его просьбе. Он сказал, что уезжает в больницу, очень плохо себя чувствует, и попросил меня написать доверенность и передать ее Сурину.

— А кто расписался на доверенности?

— Костин.

— И вы передали ее Сурину?

— Да.

— Сурин обращался к вам с просьбой подтвердить это обстоятельство?

— Да.

— Почему вы отказались?

— Я боялась. Меня напугал Костин.

— Как напугал?

— Он сказал, что я сяду в тюрьму вместе с Суриным, что подпись экспертизой признана подложной и мне все равно никто не поверит.

Сидевший на скамье свидетелей Костин вскочил.

— Это все неправда! Врет Зорина! Я ее ни о чем не просил! Она выручает его! Все это Сурин подстроил! Деньги-то, наверно, поделили.

Вы видите теперь, как опасно было Сурину рассказывать суду о Зориной до допроса Костина.

Теперь же Сурину оставалось только разъяснить суду противоречия в своих первых показаниях — сказать то, что уже известно читателю.

Приговор оглашен. Сурин оправдан.

Он подходит ко мне.

— Как это все случилось? — говорит он, еще не в силах опомниться от происшедшего.

— Факты — упрямая вещь, — отвечаю я ему его же словами.

Детство

Павел **ДРУЖИНИН**

Вот оно, мое село
С галками крикливыми,
Все оно позаросло
Ветлами да ивами.
Вижу берег, вижу мост,
Улицу Заречную.
Здесь родился, тут я рос,
За рекой, за речкою.
Детки — дочки да сынки,—
У родимой матушки
Редко ели мы блинки,
Пышки да оладушки.
Лезла в избу к нам нужда,
Где ж там кашу, суп ли нам!
Лук — хорошая еда,
И вода не куплена!
Ну, а все же в добрый час,
Хорошо ли, кстати ли,
Не припомнить мне про вас,
Про друзей-приятелей!
Выйдешь утром из ворот,
Все блестит от сырости,
Петушок кричит-поет,
Как дьячок на клиросе.
Свистнешь, радость не тая,
Рвань простоволосая,
Миг — и вот она, твоя
Вся команда бо́сая!
Тут втроем ли, вчетвером
Как не побахвалиться:
Рвешься к речке конь-конем,
Чуть штаны не свалятся.
Не боялись мы жары,
Не страшились холода,
Мчались кубарем с горы
Весело и молодо.
Все, бывало, нипочем:
Небо тучей хмурится,
А домой и калачом
Не заманишь с улицы.
По траве по мураве
На ногах не ходится:
На руках, на голове
Научиться хочется!
Так и шло за годом год
Детство востроглазое,
А потом настал черед
Набираться разума.
Помню, как пришли мы в класс,
Шлепая лаптишками,
Оделил учитель нас
Букварями-книжками.
Был учитель с нами строг,
Говорил заранее:
— Кто не выучит урок,
Будет вихродрание!
Чей ты: Сидоров, Петров,—
Все равно, пожалуйста,
Отдеру, и будь здоров,
И отцу не жалуйся!..
Он линейкою махал,
Как пастух дубинкою...
Но вихров у нас не драл,
Он их стриг машинкою.
Был он добрый педагог.
Все ж, сказать по-строгому,
Научить он нас не мог
По наукам многому.
Он усердие свое
Проявил бы мысленно,
Но сие не от него,
Видимо, зависело.
И пора была не та,
И не та оказия,
Чтобы лезла мелкота
Всякая в гимназии!..
Это время утекло,
Быстрое, неровное.
Но стоит мое село
Тезиково, кровное.
В гости вновь меня зовут
За́росли ветловые,
Здесь кругом теперь живут
Люди жизнью новою.
Много нового теперь
В сельской педагогии,
Широко открыта дверь
Здесь в науки многие.
И мне радостно вдвойне
От того сознания,
Что пришло к моей родне
Подлинное знание.
Мимо школы я пройдусь
Прежнею дорогою,
Улыбнусь, остановлюсь,
Вспомню я про многое...
А заслыша в школе гам,
Вздрогну непременно я:
«Не мое ль играет там
Детство незабвенное?»
И почудится мне вдруг:
Не сутулясь, прямо так
Я иду домой сам-друг
С золотою грамотой.
В переулке мой отец
В садике копается,
На скворечнице скворец
Песней заливается.
Мать идет в простом платке,
Я навстречу матери.
А у речки на песке
Все мои приятели!

В. С. Климашин. ДЕВУШКА ТУН ГУЙ-ЧУ. 1954.

В. С. Климашин. ШИЗА (КИТАЙСКИЙ ЛЕВ) ВО ДВОРЦЕ ГУГУН. 1954.

Мастер портрета

В мастерской народного художника РСФСР Николая Васильевича Томского находится сейчас несколько произведений, над которыми работает скульптор. Здесь монументальные памятники В. И. Ленину для города Мурманска и адмиралу Нахимову — скульптура будет установлена в центре Севастополя, портреты кинорежиссера С. Герасимова, Джавахарлала Неру, индийской писательницы Азат Шиклаи.

Произведения эти различны и по характеру и по размерам. Но в каждом из них — наряду с портретным сходством — решается своя большая тема, есть обобщенный характер, идея.

Старый французский рабочий Жозеф Гельтон. 1954 год.

Индийская писательница Азат Шиклаи. 1955 год.

Много и плодотворно, особенно последние годы, работает Н. В. Томский. Портреты французского рабочего Гельтона, польских рабочих, французского генерала Пети, советского архитектора В. Гельфрейха, цветовода М. Мамулашвили на последних художественных выставках в Москве останавливали внимание зрителей: во всех этих работах видны острый ум, горячее сердце художника, его зоркий глаз.

В декабре 1954 года Томский был в Париже. Его французские коллеги устроили в мастерской известного скульптора Орикоста дружескую встречу, во время которой советский художник демонстрировал свое искусство.

Томский лепил в глине портрет французского рабочего Жозефа Гельтона, бывшего шахтера, активного члена общества «Франция — СССР», одного из лучших распространителей газеты «Юманите». Художник волновался. Десять пар глаз внимательно следили за каждым его движением, за каждым его новым мазком. Не только талант Томского узнавали и оценивали в это время присутствующие — художник представлял сейчас советское искусство, искусство социалистического реализма.

В большом творческом напряжении провел скульптор пятичасовой сеанс и закончил работу под общее одобрение французских художников. В печати появились фотографии и статьи, посвященные талантливому советскому ваятелю и его удачному произведению. Действительно, образно и ярко решен портрет Гельтона. Есть в нем и точная характеристика человеческой индивидуальности и обобщение, которое отличает истинное произведение искусства.

— Я себя хорошо знаю: хочешь не хочешь, а в зеркало смотришься каждый день,— говорил Томскому в Кракове польский рабочий,— и на портрете, который вы вылепили, я очень похож. Но не это мне больше всего дорого, а то, что в нем вы рассказали, как я жил.

Эти слова Вацлава Шопского можно было бы поставить эпиграфом ко всему творчеству Н. В. Томского.

Раскрыть в портрете сущность человека, рассказать о том, чем он живет, о его труде и помыслах — вот что определяет творческие поиски художника.

Живо представляешь себе по портрету, выполненному скульптором, сдержанного и мужественного Шопского, старейшего польского большевика, участника революционных боев 1905 года в Лодзи, человека железной воли. В этом произведении счастливо сливаются и глубокая характеристика образа и пластическое мастерство художника.

Умный, несколько иронический взгляд Азат Шиклаи — индийской писательницы, врача и общественного деятеля — сумел передать Томский. Легкая улыбка прячется в уголках губ и глазах немолодой женщины и придает скульптуре жизненную трепетность.

Н. В. Томский в своей мастерской за работой

В. Шопский — польский рабочий. 1955 год.

Портретные работы Томского обладают «плотью»: по ним читаешь биографии людей, узнаешь их характер.

У скульптора большие замыслы: он хочет создать галерею портретов участников революции 1905 года, Октябрьской революции, запечатлеть наших современников — героев индустрии, сельского хозяйства, представителей Советской Армии.

Сейчас Томский приступает к творческому разрешению этих больших планов.

Н. СВЕТЛОВА

Фото Я. Рюмкина.

ИЗ РАССКАЗОВ ФОТОРЕПОРТЕРА

Если человек прожил на свете почти шестьдесят лет и немало на своем веку потрудился, то ему есть что вспомнить и рассказать...

Тридцать с лишним лет работает Николай Макарович Петров фоторепортером в газете «Известия». Профессия репортера беспокойна, но по-своему увлекательна. За тридцать лет Петров сделал более тридцати тысяч снимков. Многие из них были опубликованы в газетах и журналах, экспонировались на разных выставках и в фотовитринах, но есть и такие, что хранятся в личном архиве фотографа.

Как-то разбираясь в этом архиве, Николай Макарович передал мне редкостные снимки писателей и сообщил, как и при каких обстоятельствах производилось фотографирование. Эти рассказы показались мне интересными. Я записал их, чтобы вместе со снимками предложить вниманию читателей «Огонька».

[illegible]

М. Горький на верхней площадке здания «Известий».

М. Горький на даче. 1929 год.

Два снимка

Алексея Максимовича Горького впервые я фотографировал в день возвращения его из-за границы на Родину. Это было в мае 1928 года.

Вскоре после этого Алексей Максимович приехал в редакцию «Известий». Шестиэтажный дом на Страстной площади (ныне Пушкинская площадь), где и поныне помещается редакция нашей газеты, по тем временам считался одним из самых высоких зданий столицы. На крыше этого дома есть бетонированная площадка. С нее открывается хороший вид на Москву.

Редактор «Известий» Иван Иванович Скворцов-Степанов предложил Горькому подняться на эту площадку, а мне сказал:

— Товарищ Петров, когда мы будем на крыше, сфотографируйте Алексея Максимовича!

Помнится, день тот был свежий, ветреный, а на Горьком — легкое пальтецо. Все очень беспокоились, как бы писатель не простудился, и, когда я стал фотографировать, меня торопили. Я боялся, что получился недодержка и снимок окажется неудачным. Но опасения были напрасными. Снимок вышел хороший. Когда его показали Алексею Максимовичу, он похвалил...

Потом я снимал Горького, когда он выступал на митинге у текстильщиков Трехгорной мануфактуры, на Первом съезде писателей, на физкультурном параде. Но вот и еще один, так сказать, случайный, неожиданный снимок.

История его такова.

Однажды, это было летом 1929 года, мне позвонили по телефону и сказали, чтобы я поехал на дачу к Алексею Максимовичу и сфотографировал писателя в группе обслуживающего персонала.

Снимать пришлось во дворе при мягком, рассеянном свете не солнечного, но теплого дня. На Горьком был серый фланелевый костюм, хорошо облегавший его костистую фигуру.

Когда фотографирование группы было закончено и все разошлись, Алексей Максимович сел на скамейку и закурил. К нему подошла пестрая лохматая собака дворняжка и стала ласкаться. Я видел, как у Горького потеплели глаза, он погладил собаку своей широкой ладонью и что-то сказал ей.

Мне захотелось сфотографировать Алексея Максимовича здесь, на скамейке.

— А нужно ли это? — спросил он.

— Нужно, такая наша профессия...

— Ну, если профессия, то пожалуйста.

Мне мешала собака. Кто-то прогнал ее. Собака отошла и улеглась на земле.

Быстро сделав два снимка, я поблагодарил писателя и стал собирать аппаратуру. Горький же поднялся со скамейки, подошел к собачонке, склонился над ней и, ласково щекоча ее шею, сказал:

— Хорошая ты моя...

Аппарат у меня был заряжен, я быстро щелкнул затвором и пошел к калитке. Алексей Максимович даже не знал, что я сфотографировал его.

Гость Максима Горького

Вот еще один снимок, сделанный также на даче Горького летом 1935 года.

Мне сообщили, что в гостях у Алексея Максимовича будут юные пионеры Армении и было бы хорошо сфотографировать их вместе с писателями.

Подготовив аппаратуру, я отправился в Горки. Местность там великолепная. Высокий дом с колоннами стоит на обрывистом берегу реки. Кругом сосны. Перед домом большой цветник. Говорят, здесь было до ста тысяч цветов. Их очень любил Алексей Максимович.

Вот здесь-то, среди цветов, я и встретил писателя в окружении смуглой веселой детворы. Пионеры были одеты в белые матроски с красными галстуками и сами напоминали живой цветник.

Кроме детей, у Горького в тот день гостили писатели. Из знакомых я помню Всеволода Иванова.

Горькому передали, что я хотел бы сфотографировать его с пионерами. Он согласился и что-то сказал стоявшему рядом с ним худощавому пожилому человеку в пальто и темной фетровой шляпе. Тот улыбнулся, кивнул головой. Алексей Максимович, взяв его под руку, повел к скамейке, и они сели рядом. Пионеры веселой стайкой окружили их. Тут же были маленькие внучки Горького — Марфа и Дарья.

Я установил штатив и, приладив аппарат, сделал снимок. Потом, отойдя в сторонку, спросил у кого-то из служащих:

— Кто сидел рядом с Горьким?

— Так это же Ромен Роллан,— ответили мне.— Он здесь гостит у Алексея Максимовича.

На конверте, в котором хранится пленка негатива этого снимка, у меня так и записано: «Между Горьким и его внучкой — знаменитый французский писатель Ромен Роллан. Горки. 1935 г.».

Р. Роллан в гостях у М. Горького.

Демьян Бедный.

У Демьяна Бедного

— Снимите Демьяна Бедного! — сказал мне редактор «Известий».

— Как его отчество? А то ведь неудобно назвать просто Демьяном.

Редактор усмехнулся:

— Демьян — это псевдоним, а по-настоящему зовут его Ефимом Алексеевичем Придворовым...

В то время Демьян Бедный жил в Кремле. Я созвонился и, придя к нему на квартиру, сказал, что так, мол, и так — хочу сделать снимок и хорошо вроде бы за работой.

— Это — дело привычное, — ответил Бедный.

— А как вы работаете?

— Да вот так: сижу за столом и стучу на машинке.

Пишущая машинка стояла у него на столе. Уже и бумага была заложена. Видимо, я оторвал его от работы.

Поразила меня у Демьяна Бедного огромная библиотека.

— Неужели все прочли?! — спросил я.

— Приходится, батенька!

Пока я фотографировал, вошла девочка, дочка Бедного, и что-то зашептала ему на ухо. Он рассмеялся.

— Знаете, как она вас аттестовала? Фотограф-то, говорит, видно, старорежимный.

— Откуда же это видно?

— По кольцу определила.

У меня на пальце действительно было обручальное золотое кольцо.

— По этому обручу, батенька, она вас и причислила к лику старорежимных. Придется вам сфотографировать нас вместе с нею, чтобы доказать, что вы не старорежимный, а наш, пролетарский фотограф!..

Я охотно согласился и сделал еще один снимок — Демьяна Бедного с дочерью. К сожалению, этот снимок пропал.

Маяковский в «Известиях»

Как известно, в марте 1922 года Владимир Владимирович Маяковский опубликовал в «Известиях» стихотворение «Прозаседавшиеся», на которое обратил внимание В. И. Ленин.

Это сблизило Маяковского с нашей газетой. Он часто бывал в редакции или в журнале «Красная

В. В. Маяковский.

В. Маяковский в редакции «Известий».

нива», который помещался там же, где и «Известия».

Литературный секретарь «Известий» В. М. Василенко как-то сказал мне с упреком:

— К нам ходит известный поэт, а вы, Макарыч, его до сих пор не сфотографировали!..

— А я, признаться, ни разу и не видал его.

— Он приметный, сразу узнаете.

Однажды приходит в редакцию высокий, действительно очень приметный человек в сером спортивном костюме, с упрямым лбом, коротко остриженный. «Наверное, это и есть Маяковский», — подумал я и сразу обратился к нему:

— Разрешите вас сфотографировать?

— Зачем?

— Редакция велела.

— Ну давайте!

Я стал было его устанавливать, придавать позу, как это у нас водится, но он запротестовал:

— Хотите, чтобы я аршин проглотил? Против монументов возражаю категорически. Снимайте просто.

Он свободно, непринужденно облокотился на конторку стола, держа в руке свежий номер журнала.

Я снял его в этой позе.

— Теперь, Владимир Владимирович, хорошо бы заснять вас сидящим на стуле.

— Может быть, и ручки сложить заставите? — усмехнулся поэт.

— Хорошо бы и руки сложить.

Маяковский неожиданно повернул стул спинкой вперед, уселся на него верхом и, положив руки на спинку, сказал:

— Сложил, снимайте!

Так я впервые фотографировал крупнейшего поэта нашего времени.

Барбюс в Москве

В августе 1934 года французский писатель-коммунист Анри Барбюс приехал в Москву. Приезд его в нашу столицу я почему-то не снял. Может быть, прозевал, а может, и сам в это время находился в командировке.

А. Барбюс в поезде на вокзале

После нескольких дней пребывания в Москве Барбюс отправился в путешествие по Советскому Союзу. Перед отходом поезда на вокзале собралось несколько московских фоторепортеров. Я был в числе их.

Барбюса окружала толпа провожающих, и я, человек небольшого роста, не мог протиснуться вперед сквозь нее или подняться над нею со своим аппаратом. Думал, не получится снимок.

Но вот за несколько секунд до отправления поезда французский писатель поднялся на ступеньки вагонной площадки.

Он был весь, как огонь, взглядом своим излучающий добро и сердечную ласку.

Позади стояли его спутники с букетами цветов, подаренных Барбюсу москвичами.

Цветы и черный огонь его глаз — это было прекрасно! Как жалко, что тогда еще не было цветной фотографии!..

Торопясь уловить мгновение, я сделал снимок. Конечно, на этом снимке не отразилась и сотая доля того, что увидел и почувствовал я в тот момент.

Но когда я положил фотографию на стол секретарю редакции, он сказал:

— Кажется, вышло. Ты верно снял человека, написавшего великолепную книгу «Огонь»...

Бернард Шоу

Ранним утром 21 июля 1931 года, развернув свежий номер газеты «Известия», я увидел на второй странице статью А. В. Луначарского. В ней сообщалось, что в этот день в Москву приезжает знаменитый английский писатель Бернард Шоу. Я подумал: «Неплохо было бы поехать на вокзал и заснять приезд такого интересного гостя».

Поезд, которым должен был приехать Шоу, прибывал в 10 часов 30 минут утра. К этому времени у вокзала собралось много встречающих. Тут были писатели, артисты московских театров, студенты, трудящиеся столицы. От знакомых репортеров я узнал, что на границе Шоу встречала специальная делегация литераторов, среди которых был Федор Гладков.

Вот наконец поезд прибыл. Бернард Шоу в сопровождении встречавших его советских писателей и издательских работников появился на привокзальной площади. В толпе раздались аплодисменты, приветственные возгласы. Я протиснулся поближе, чтобы удобнее было фотографировать.

Совершенно седой, в строгом, темном костюме, в темной шляпе, Бернард Шоу показался мне похожим на проповедника или пастора. У него были необычайно молодые глаза, и в движениях ощущалась легкость. В ответ на приветствия он приподнял шляпу и улыбнулся.

Таким я и сфотографировал его.

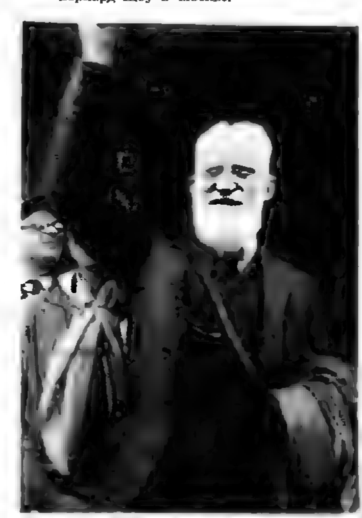
Легкой, прямой походкой Шоу прошел к автомобилю.

— Сколько же лет ему? — спросил я у знакомого журналиста.

— Через несколько дней исполнится семьдесят пять. Эту дату своей жизни писатель решил отметить в Советском Союзе, — сказали мне.

Потом я узнал, что в Москве Шоу встретил молодого ирландца Весконя, уроженца того же города, в котором родился писатель. Шоу спросил у юноши, надолго ли тот приехал в Страну Советов, и, узнав, что молодой соотечественник намерен скоро вернуться домой, заметил: «Если бы я был в вашем возрасте, я бы остался на всю жизнь в СССР».

Бернард Шоу в Москве.

П. СТОРЧИЕНКО,
заслуженный мастер спорта

На международных соревнованиях в Болгарии. Ф. Неймарк приземляется в цель
Фото БТА (Болгария).

Убедительная победа советских парашютистов на первенстве мира 1954 года, проведенном во Франции, выдвинула их в число сильнейших. Что же принес 1955 год нашим спортсменам?

В этот юбилейный год (исполнилось 25 лет массового парашютного спорта в нашей стране) достигнуты новые успехи. Группа парашютистов во главе с заслуженным мастером спорта Василием Романюком установила новый мировой рекорд. Прыгнув из нижних слоев стратосферы ночью, парашютисты падали с нераскрытыми парашютами более 10 тысяч метров. Ураганный, ледяной ветер подхватил отделившихся на высоте более 11 километров спортсменов, летящих со скоростью почти 600 километров при температуре воздуха 50 градусов мороза. Даже меховая одежда не очень помогала им. Но никто не обращал внимания на «мелкие» невзгоды. Все помыслы спортсменов направлены были на одно: скорее вырваться из власти воздушного потока, безжалостно крутящего их. И вот они, раскинув руки, плашмя, вниз лицом, словно диковинные птицы, стремительно несутся к земле. Лица их были закрыты кислородными масками и очками. Без кислорода на этой высоте не обойтись. Очки! Казалось, куда смотреть, когда кругом кромешная тьма? Но нет, нужно смотреть: и на землю, где далеко во мгле, словно маяки в шторм, еле видны красные огоньки огней, выложенных для парашютистов, и на стрелку секундомера, укрепленного на левой руке и освещенного лучом фонарика. Как медленно движется этот крохотный вестник времени! Как долги секунды падения! Раскрыть парашют можно, пролетев только более трех минут.

Наконец, словно по команде, вспыхивают тюльпаны парашютов над смелыми покорителями стихии. Вот их имена: В. Романюк, П. Долгов, Н. Жуков, Г. Николаев, А. Савин, В. Петренко, Н. Никитин.

Советские спортсмены добились новых замечательных успехов и в прыжках на точность приземления. П. Банников, З. Жаринова, В. Першин, Г. Мухина, М. Дмитров, Н. Пряхина, А. Султанова, В. Раков, Э. Чернышева, П. Косинов, В. Галайда, В. Марюткин, Н. Данильченко установили новые мировые рекорды.

Побывали советские спортсмены в этом году и за рубежом.

...Ранним августовским утром парашютисты СССР приземлились на софийском аэродроме. Нашей команде предстояло померяться силами с сильнейшими парашютистами Болгарии, Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии и Китая.

С тревогой и радостью следили мы на тренировках за прыжками наших друзей. Многие из них за последние годы добились серьезных успехов. Удастся ли нам завоевать победу и на этот раз? А тут, как на грех, в соревнованиях не выступают из-за болезни абсолютный чемпион мира Иван Федчишин и Василий Марюткин, занявший на чемпионате мира второе место.

Международные соревнования в Софии, в которых приняло участие 50 спортсменов, начались с прыжков на точность приземления. Это был триумф парашютизма. Как высоко возросло мастерство спортсменов в управлении куполом парашюта! Ведь белый кружочек диаметром в пять метров, куда должен приземлиться спортсмен, с высоты шестисот метров кажется маленькой точкой. И несмотря на это, болгарин Георгий Гылыбов в первом прыжке приземлился в 6,90 метра от центра круга, а его товарищ по команде Кирилл Захариев — в 3,23 метра. Еще более высокого результата добился представитель китайской команды Лю Цзюн-шен: он приземлился на самое белое яблоко — в 1,37 метра от центра круга.

Победителем этой интересной борьбы стал Г. Гылыбов; средний результат его двух прыжков составил 4,30 метра.

В прыжках на точность приземления с высоты 1 000 метров лучший результат показала команда Польши, но по двум упражнениям вперед вышла команда СССР.

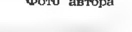
Очень многое в распределении мест решало предпоследнее упражнение — комбинированный прыжок. Спортсмены должны были пролететь с нераскрытым парашютом точно 20 секунд, все время сохраняя горизонтальное

Чемпион мира И Федчишин показывает китайским парашютистам, как надо выходить из штопора.

Н. Пряхина, А. Хмиелярчик (Польша) и В. Селиверстова.

Фото автора

положение тела в полете, и приземлиться как можно ближе к центру круга.

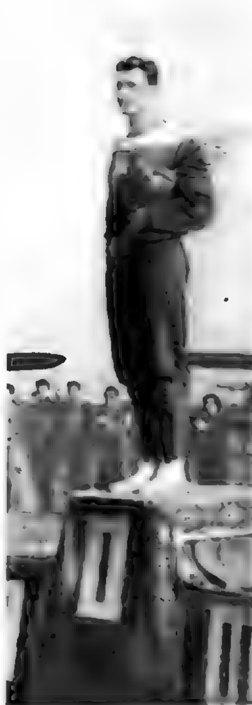
Здесь отличился чехословацкий парашютист Ярослав Йехличка, оставивший на втором месте Петра Косинова, но третье, четвертое и пятое места заняли наши спортсмены, что и обеспечило команде лидирующее положение.

Судьба командного первенства зависела от последнего упражнения — прыжка с задержкой в 30 секунд. Здесь еще строже оценивается стиль падения. Спортсмен, отделившись от самолета, уже спустя 5 секунд должен занять в воздухе горизонтальное положение, вниз лицом, с разведенными руками и ногами и так падать до раскрытия парашюта, не имея права разворачиваться по горизонту более чем на 90° и отклоняться вверх и вниз более чем на 45°.

Лучшее время при наилучшем стиле показал Кирилл Захариев — 195,0 очка из 200 возможных. Николай Щербинин и Валерий Галайда набрали на 2,5 очка меньше.

Упорная борьба закончилась. По сумме всех упражнений победы добилась команда СССР — 2 337,5 очка, на втором месте остались чехословацкие парашютисты — 2 277,5 очка, на третьем — болгарские — 2 205 очков. В личном зачете у мужчин лучший результат показал чех Ярослав Йехличка, а у женщин — В. Селиверстова.

Прошедшие соревнования убедительно показали рост мастерства парашютистов стран народной демократии. Использовав опыт советской парашютной школы, они станут достойными противниками на предстоящем первенстве мира, которое предполагается провести в 1956 году в Москве.

Ярослав Йехличка, победитель личного первенства.

Итоги спортивного года были подведены на первенстве СССР.

Программа первенства в основном не отличалась от программы соревнований в Болгарии, только вместо группового прыжка выполнялись индивидуальные прыжки с 1 000 и 1 500 метров.

В первенстве приняли участие сильнейшие спортсмены различных ведомств. Наиболее сильными спортсменами были представлены ДОСААФ СССР и ВВС. Фактически между ними и развернулась напряженная борьба.

Первым разыгрывался прыжок с 600 метров. Высота сравнительно небольшая, но она требует точного расчета, быстрой реакции. Здесь, как и в беге на 100 метров, порой решает мгновение. Отпустит спортсмен на секунду лямки парашюта — и окажется в стороне на 10—15 метров. А ведь тот, кто ближе приземлится к центру белого полотнища, тот и победит. В этом интересном поединке победу, а вместе с ней золотую медаль завоевал Алексей Калинин (Центральный аэроклуб СССР имени В. П. Чкалова): он приземлился первый раз в 1,37 метра от центра круга, второй — в 3,97 метра.

Среди женщин первенство страны завоевала Надежда Пряхина.

В прыжках с высоты 1 000 метров требуется еще большее умение. Здесь золотые медали получили Михаил Дмитров (Минск, ДОСААФ) и Валентина Селиверстова (Омск, ДОСААФ).

Прыжки с высоты 1 500 метров — парашютный «марафон» — принесли победу Николаю Ткаченко (Киев, ДОСААФ) и Валентине Селиверстовой.

Очень интересно проходили прыжки с задержкой раскрытия парашюта в 30 секунд. Парашютист, отделившись от самолета, уже через три секунды должен начать падение плашмя, вниз лицом, с разведенными руками и ногами в направлении, указанном судьями. Каждая секунда промедления штрафуется в 10 очков. После пятнадцатой секунды надо было начать разворот влево на 360 градусов, затем вправо на 360 градусов и закончить эти маневры не позже двадцать пятой секунды с тем, чтобы точно на тридцатой секунде раскрыть парашют.

Многие спортсмены блеснули в этом упражнении своим акробатическим мастерством.

Лучшим оказался Николай Никитин (ВВС), набравший 590 очков из 610 возможных. Пять очков проиграл ему Петр Косинов. Валентина Селиверстова набрала 600 очков.

В комбинированном прыжке (здесь спортсмен должен точно раскрыть парашют, устойчиво падать и приземлиться в цель) победили Феликс Неймарк (ВВС) и Галина Мухина.

Напряженная борьба по сложной программе закончилась.

Звание абсолютных чемпионов по парашютному спорту завоевали Феликс Неймарк и Валентина Селиверстова, которых тренировала Г. Пясецкая.

Так прошел у советских парашютистов большой спортивный сезон.

Первые зрители Мельбурнской олимпиады

Вечером 15 мая у касс олимпийского стадиона в австралийском городе Мельбурне начали собираться первые болельщики. В течение ночи толпа, ожидающая открытия продажи билетов на олимпийские игры 1956 года, достигла примерно тысячи человек. То, что произошло в момент открытия касс, австралийский спортивный журналист Брюс Уэлч назвал штурмом. В каждый из двух первых дней было продано по 90 тысяч билетов. За три дня реализовано четверть миллиона билетов — около 30 процентов всех мест, выделенных для предварительной продажи; 160 тысяч билетов закреплено для австралийских спортсменов и иностранных любителей спорта.

Идет сооружение различных объектов олимпийского городка в Мельбурне. В июле началось строительство велотрека. Завершается строительство водной станции.

Организаторы олимпийских игр ожидают значительное число туристов — любителей спорта. Около 20 тысяч болельщиков приедут из Новой Зеландии. Ожидаются многочисленные любители спорта из Китайской Народной Республики, Индии, Пакистана и других стран. Всего в Австралии и за ее пределами открыто свыше 12 тысяч касс для продажи билетов на олимпийские игры.

Четыре рекорда за одно лето

10 сентября в Будапеште, на встрече легкоатлетов Венгрии и Польши, Ш. Ихарош побил рекорд В. Куца: 5 000 метров венгерский бегун прошел за 13 минут 50,8 секунды. Правда, новый мировой рекорд не простоял и недели: Владимир Куц вернул его себе, пробежав на соревнованиях в Белграде 5 000 метров за 13 минут 46,8 секунды. Однако успехи Ш. Ихароша не ограничиваются только выдающимся результатом в беге на 5 000 метров. За это лето венгерский стайер еще три раза вписал свое имя в таблицу высших спортивных достижений.

В Будапеште он установил мировой рекорд в беге на 3 000 метров (7 минут 55,6 секунды), в Лондоне — на две мили — 3 218,26 метра (8 минут 33,4 секунды) и, наконец, в Хельсинки — на 1 500 метров (3 минуты 40,8 секунды).

Ихарош начал заниматься бегом пять лет тому назад. Двадцатидвухлетний спортсмен на олимпийских играх в Хельсинки еще ничем не проявил себя. Но вскоре он стал тренироваться у известного тренера Михая Иглои и не жалел ни сил, ни времени. Ихарош ежедневно пробегал на тренировках 8—10 километров. Зимой он занимался бегом на расчищенной от снега дорожке. Эта упорная работа принесла вскоре свои плоды. Такие бегуны, как Ласло Табори, Шандор Ихарош, Иштван Рожавельди, доказали неправильность «узкой специализации». Они одновременно готовились к выступлениям в беге на 1 500 и 5 000 метров. Они хорошо бегают длинную дистанцию, потому что обладают скоростью, и отлично пробегают дистанцию в 1 500 метров, так как обладают выносливостью.

Сейчас молодой венгерский спортсмен Ихарош готовится к выступлению на XVI олимпийских играх, которые, как известно, состоятся осенью будущего года в Австралии.

Спортивный обозреватель

Готовь сани летом...

Еще в самом разгаре летнего сезона лыжники и конькобежцы начали готовиться к зиме. Без этого не добьешься победы ни на лыжне, ни на ледяной дорожке.

На снимке вверху вы видите двукратную чемпионку мира Я. Селихову. На берегу Черного моря она катается на роликовых коньках. На другой фотографии чемпионка мира по лыжам Л. Козырева занимается легкой атлетикой.

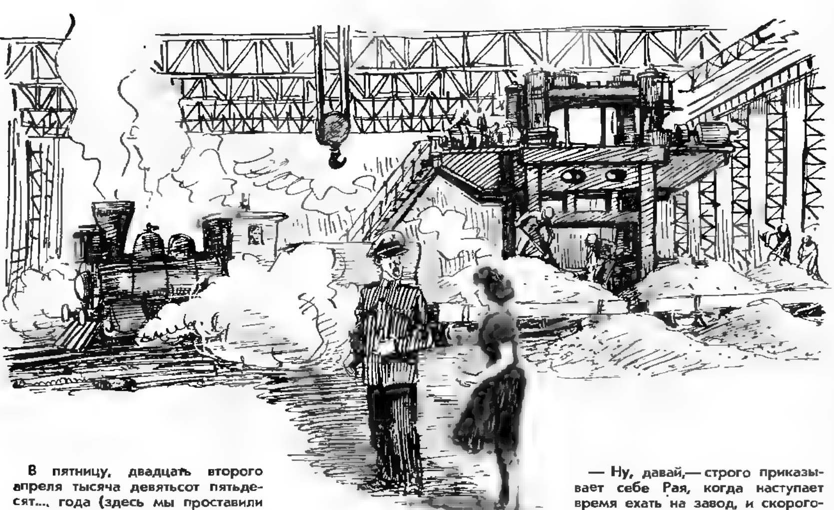
Фото Б. Светланова и Н. Волкова.

Сила привычки

Борис ЗУБАВИН

Рисунки Н. Семенова.

В пятницу, двадцать второго апреля тысяча девятьсот пятьдесят... года (здесь мы проставили точки, поленившись узнать в старых календарях, в каком из прошлых лет пятница была двадцать второго апреля), у девятнадцатилетней Раи Мамоновой, работницы сортопрокатного цеха завода «Красная звезда», члена ВЛКСМ, одной из главных героинь заводского драматического коллектива, был выходной день.

За распахнутым окном во всем своем весеннем великолепии шумело московское утро, полное людской и автомобильной суеты, солнечного света и запаха бензина из выхлопных труб.

С губ проснувшейся девушки уже готово было слететь бодрое восклицание: «А ну, Райка, подъем!» — как на улице произошло характерное для весеннего утра недоразумение: одна из пушистых тучек, нежившихся на мягком небесном бархате, загляделась на землю, украшенную городами, пашнями, селениями, лесами и Кавказскими горами, и нечаянно заслонила собою солнце. На окно раиной комнаты голодной волчицей пала серая тень, и теплые зайчики, беспечно дремавшие на полу, мгновенно исчезли.

Заметив перемену на небе и на полу комнаты, Рая нахмурила брови.

— Я никому не позволю заниматься благотворительностью,— строго сказала она.

Эти слова относились к Вальке Полунину из железнодорожного цеха, который последнее время стал ходить чуть ли не на каждую репетицию как зритель и которого Рая прозвала меценатом. Вчера весь драмкружок отправился в кинотеатр «Звезда» посмотреть, как «Корабли штурмуют бастионы», а этот меценат побежал в кассу, купил для всех артистов билеты, потом собрал со всех деньги, но у Раи взять отказался, покраснел и сказал:

— Это ерунда.

— Нет, не ерунда,— строго ответила Рая.— С какой это стати ты должен за меня расплачиваться? Сейчас же возьми деньги и никогда больше этого не делай, понятно?

При воспоминании о вчерашнем инциденте Раю с новой силой охватило возмущение, и она еще раз с гневом произнесла, что никому не позволит и т. д.

До двух часов она была свободна. Потом надо было съездить на завод за зарплатой, а получив деньги, мчаться в центр на Петровку, в Столешников, обежать там с полдюжины магазинов и, купив отделку для платья — тридцать сантиметров голубого шифона,— лететь сломя голову к портнихе. Все это должно было быть уложено в прокрустово ложе между двумя и шестью часами дня: в половине седьмого в клубе начиналась репетиция.

Вероятно, кое-кто из придирчивых читательниц, которым всегда вынь да положь только то, что случается лишь с ними, воскликнет, что в жизни так не бывает и за такой небольшой срок, половина которого к тому же пошла на дорогу, ни за что не сделать всего, но автор тут ни при чем. Просто-напросто нужно обладать таким характером, который может сломать на твоем пути все преграды, если ты действительно что-нибудь задумал. А у Раи был именно такой характер. Ее родители порою даже сомневались, согласится ли кто-нибудь взять ее с таким характером замуж.

— Ну, давай,— строго приказывает себе Рая, когда наступает время ехать на завод, и скороговоркой произносит: — Даю честное комсомольское слово ни во что сегодня не вмешиваться. Получу деньги, куплю шифон, примерю платье — и все. А больше ничего меня не касается.

С этими словами и независимым видом она выходит из дому. Теперь каждая минута между двумя и шестью часами должна быть взята на строгий учет. Полчаса — на дорогу до завода. Пятнадцать минут — на очередь в кассе, тридцать пять минут — на дорогу до центра и т. д.

В сквере возле троллейбусной остановки мальчишка забрался на клумбу с ногами. Ну как не снять его с клумбы, не вытереть ему нос, не отряхнуть его рубашку, не объяснить ему, что здесь цветочки рвать нельзя, и не отвести его к няньке? Рая колеблется секунду — другую и... садится в троллейбус: ей сегодня некогда.

На заводской площади грузовик царапнул бортом трамвай. Толпятся зеваки, милиционер составляет протокол. Большой соблазн вмешаться и рассказать, как было: виноват не шофер, а вожатый, но Рая спешит. Скрепя сердце она делает вид, что ничего не замечает, и проходит мимо.

В цехе стоит грохот прокатных станов, лязг железа, визг режущих его пил, звонки ползающих высоко над головой кранов. Рая, миновав штабели готовых к отправке рельсов и балок, берется рукой за перила металлической лестницы, ведущей на второй этаж боковой пристройки, где находятся душевые, бухгалтерия, касса, ОТК, табельная, красный уголок и кабинеты цехового начальства, и вдруг видит невдалеке от стана «400» старенький паровозик, из которого с шипением дует пар чуть ли не во все четыре стороны, а сзади него — две платформы, с которых сгружают песок.

И тут Рая забывает все свои обещания. Привычка берет свое. Больше она терпеть не в силах. Дело в том, что песок летит с платформ прямо на запчасти, вчера лишь аккуратно уложенные комсомольцами вдоль стены. Раины брови удивленно изгибаются дугой, и она бежит к платформам. Хватит. Довольно. Она уже допустила две самые вопиющие несправедливости. По ее вине мальчишка, наверное, еще продолжает рвать и топтать цветы; по ее вине оштрафовали, конечно, не вожатого трамвая, а шофера грузовика...

Возле платформы стоит унылый и уже немолодой, но считающий себя еще не очень старым мужчина с железнодорожной эмблемой на фуражке.

— Это вы привезли? — кричит Рая, дернув его за рукав.

— А тебе что? — почти не разжимая рта, спрашивает он. Вчера ему впервые вставили искусственные челюсти, и у него весь день было такое ощущение, будто в десны забили горячие заклепки. Вечером, чтобы погасить эту боль, он плеснул в рот полстакана водки, но жевать закуску все равно не смог, и пришлось вынуть челюсти. Сделав это, он дико захохотал: прекрасные зубы лежали на столе, а он глотал непрожеванные куски мяса и, как трехлетний ребенок, сосал хлебную корочку. И все же он был доволен: можно было свободно улыбаться при людях, не стыдясь своего рта, который без зубов походил на дупло. Сегодня по дороге на завод он очень долго разговаривал с молоденькой смазливой дамочкой из заводоуправления и смеялся, нарочно так скалясь, чтобы она видела его чудесные зубы, и только возле проходной вспомнил, что оставил их в стакане на кухонном столе. После этого он впал в транс и весь день не мог сообразить, что к чему.

— Почему вы здесь сваливаете песок? — строго спрашивает Ра

Из будки паровоза высовывае. ся машинист. Рая делает вид, чтс не замечает его. Это плечистый и по виду неуклюжий парень. У него рыжие волосы, золотая россыпь веснушек на носу и такие желтые брови, будто они из цыплячьего пуха. Машинист с восхищением глядит на Раю.

Обладатель железнодорожной эмблемы хмурится:

— Может, ты прикажешь посреди цеха сваливать?

— Здесь лежат запчасти! Неужели вы не понимаете, что сваливать на них песок нельзя?

Беззубый обладатель железнодорожной эмблемы некоторое время вопросительно глядит на нее и отворачивается.

— Хор-рошо,— зловеще говорит ему в спину Рая и, круто повернувшись, идет прочь.

Касса давно уже открыта, но Рая и не думает встать в очередь, хотя большая стрелка электрических часов, висящих посреди цеха, бежит уже третий круг после полудня, игриво поскакивая с черточки на черточку. Когда стрелка дергается на этом круге пятьдесят шестой раз, Рая вновь стоит возле платформы.

— Этот песок нашему цеху не нужен,— решительно говорит она обладателю железнодорожной эмблемы, но тот даже не глядит

в ее сторону.— Вы слышали, что я сказала? — Рая повышает голос.— Никто вам песок не заказывал. Я сейчас выяснила в бухгалтерии.

— Поди-ка ты, дорогая, отсюда подобру-поздорову! — вдруг свирепеет железнодорожник.

— Значит, мало того, что вы сваливаете песок на запчасти,— едва сдерживая негодование, говорит Рая,— мало того, что песок этот в сортопрокатке никому не нужен, вам еще будут платить деньги за разгрузку, потом за погрузку, потом еще за разгрузку в том цехе, который нуждается в этом песке... Ну так знайте, что этого безобразия не случится!

Она настроена агрессивно и уходит вон из цеха.

После этого большая стрелка электрических часов успевает дважды обогнать свою маленькую спутницу. Когда она перескакивает с черточки на черточку, пытаясь сделать это в третий раз, в цеху появляется Рая. Однако ни паровоза, ни платформ здесь давно уже нет. Рая садится на запчасти, то есть на кучу песка, возвышающуюся над ними, и победоносно оглядывается.

Она устала, так как ходила на противоположный конец заводского двора, в железнодорожный цех, где ей удалось установить, что платформы с песком были заказаны формовочным цехом. Из железнодорожного она направилась в заводоуправление к главному диспетчеру. Ей сказали, что диспетчер будет занят не меньше часа. Все равно. Она готова ждать хоть пять часов.

Она уже была в том состоянии, когда окружающим кажется, будто у нее засучены рукава, а кулаки уперлись в бедра, неважно, что она в это время держит руки в карманах жакетки или за спиной. Замечено, что в такие минуты многие парни прикусывают при ней языки.

Диспетчер действительно освободился ровно через час, и Рая ушла от него лишь тогда, когда он позвонил начальнику железнодорожного цеха и предложил ему немедленно перебросить песок из сортопрокатки в формовочный, все лишние затраты отнеся за счет исполнителя работ.

Паровоз вталкивает в цех порожние платформы. Только в будке паровоза уже нет рыжего застенчивого машиниста. Он отработал свою смену. Рая вздыхает. Ей становится немного грустно, что его нет на паровозе. «Почему он все время смотрел на меня такими... такими глазами, будто все понимает, а сказать не может? — задает она себе вопрос.— Неужели... Нет, этого не может быть! Валька Полунин влю...» — и тут впервые в ее душе возникает догадка и, как молния, врезается в сознание. (У девушек подобные догадки сперва возникают в душе, а потом уже перебираются в сознание.) Раины щеки розовеют. О, теперь она знает, почему Валька не пропускает ни одной репетиции! Какой он, право, чудной! Ходит и молчит!.. А она ничего не знала и смеялась над ним!.. Бедный Валька!

Сидя на куче песка и краснея все больше и больше, Рая нечаянно взглядывает на часы, висящие под потолком цеха, и с неподдельным огорчением всплескивает руками: большая стрелка, прикрыв собою маленькую, очень красноречиво показывает, что девушка, гоняясь по заводу за справедливостью, совсем упустила из виду некоторые другие обстоятельства. Короче говоря, часы показывают двадцать пять минут шестого, из чего следует, что: а) деньги не получены и получить их можно будет лишь завтра; б) шифон не куплен и купить его можно будет лишь в следующий выходной; в) портниха уже устала ее ждать и очень хорошо сделала, что устала.

Рая вздыхает. Что она может поделать, если у нее такой скверный характер: даст слово ни во что не вмешиваться — и обязательно по привычке влезет с головой в какую-нибудь историю. Вот и сегодня. Дома, между прочим, надеются на ее получку, и мать будет ее ругать. Это уж непременно. Что теперь остается ей?

Идти на репетицию.

— Ха! — секунду спустя произносит она.— Я займу у кого-нибудь.— И еще секунду спустя: — У Вальки Полунина. Подойду и скажу: Валя, одолжи мне пятьдесят рублей до завтра. И еще могу сказать: пожалуйста, проводи меня до дому, мне сегодня почему-то страшно одной идти по нашему переулку. Слабó? Нисколько мне не слабó, если он сам только ходит да молчит.

Ровно в половине седьмого она уже на сцене и репетирует. А в темном пустом зрительном зале сидит Валька Полунин и с восхищением глядит на нее, глядит точно так, как днем глядел из окошка паровоза.

После репетиции в зале зажигают свет. Увидев Вальку, Рая подбегает к рампе и по привычке выпаливает:

— Меценат Полунин, я вас приветствую! Вы, как всегда, уже здесь! Объясните мне, что тут интересного — просиживать на наших репетициях целые вечера? Неужели у вас нет другого, более увлекательного занятия? Вот уж никогда бы, честное слово, не стала болтаться здесь без всякого дела!..

Но она чувствует, что говорит совсем не то, что голос у нее какой-то неестественный, деревянный, словно она плохо выучила на этот раз свою роль. Она соскакивает со сцены и, покраснев до слез, проходит с гордо поднятой головой мимо сконфуженного и растерянного Вальки Полунина.

Опытный грибник

Изошутка Ю. Узбякова.

ГОЛ В СВОИ ВОРОТА

Гедеон ПАЛ

Люблю я ходить на футбольные матчи. Моя жена, напротив, не любит. Меня в жар бросает, когда мяч «свечой» взлетает над стадионом, а жена не знает даже, что такое «офсайт».

Если я в субботу, ничего не замышляя, спрашиваю: «Женушка, что пишут в газете, какая завтра будет погода?»,— она, как раздраженная пчела, начинает жужжать: «Опять этот проклятый футбол...» Ну что делать при таких обстоятельствах отъявленному болельщику? Остается одно: прибегнуть к хитрости. За несколько дней до состязания я обратился к своему пятилетнему сынишке:

— Пету, хочешь два форинта?

— Хочу. А что нужно сделать?

— Ничего особенного. В субботу вечером, когда мама будет дома, начни хныкать, плакать и требовать, чтобы тебя взяли на футбольный матч.

— Ладно, будет сделано,— ответил Пету, — только дай авансом...

В субботу вечером с точностью будильника ребенок подал голос:

— Папа... а... а! Па... а... па!

— Не слышишь, что ли, ребенок хочет чего-то от тебя! — подняла голову жена.

С суровой отцовской строгостью я обрушился на хныкающего младенца:

— Пету! Ты видишь, что я читаю. Зачем мешаешь? Что тебе надо?

— Папа... а... а! Хочу матч посмотреть, возьми меня на матч!

— Ты еще мал для этого,— отмахнулся я.— И, кроме того, ты знаешь, что на матчи я больше не хожу.

— Ты только о себе и думаешь,— сразу вмешалась жена.— Если тебе надоел футбол, так и ребенок не может сходить на матч? Конечно,— вздохнула она горестно,— не очень-то тебя интересует доставить удовольствие семье! Почему ребенку не пойти на матч? — вдруг закричала она.— В крайнем случае меньше будешь дрыхнуть в воскресенье после обеда!

— Но, милочка,— отговаривался я,— если я с ребенком буду ходить на матчи, кто тебе поможет посуду мыть? Кто останется с тобой после обеда в такой день, когда мы наконец вместе дома?

— Что? На мне хочешь выехать? Не надо мне твоей помощи! Завтра отправляйся с ребенком на матч, и точка!

Итак, хитрость удалась. Удалась она и на второй и на третьей неделе. А на четвертой разразился гром.

Я все больше заставлял просить себя... Переборщил. Жена некоторое время молча слушала мои возражения, потом в сердцах бросила ложку на стол и сказала:

— Можешь не беспокоиться! Завтра я иду с Пету на матч, дай только 20 форинтов на расходы и перемой посуду.

С тех пор по воскресеньям я околачиваюсь дома, мою посуду, вытираю, прибираю, а жена с ребенком уходит на состязания.

После первого же матча она стала страстным болельщиком.

Это называется на языке футболистов: гол в свои ворота.

Перевод с венгерского И. Рябкиной.

Путевые зарисовки

Сверху вниз:

Эту партию придется закончить по телеграфу.

Негабаритный овощ...

Обслуживание на ходу.

Не выдержал!

Рисунки Ю. Черепанова.

Отвечаем читателям

Повторяемость календаря

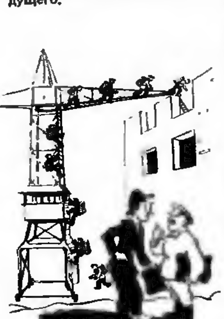
Читателю «Огонька» П. Ф. Орлову из Ижевска случайно попал в руки календарь 1949 года. Перелистывая его, он обнаружил совпадение этого календаря с действующим календарем 1955 года: в обоих числа месяцев приходятся на одни и те же дни недели, совпадают восход, заход солнца и, следовательно, долгота дня. Читатель интересуется, случайное это или закономерное явление.

Ученый секретарь Комиссии по истории астрономии Астрономического совета Академии наук СССР Ю. Г. Перель сообщил:

— Явление это закономерное, а не случайное. Каждый невисокосный год состоит из 52 недель и одного дня, за шесть лет, с 1949 по 1954 год включительно, таких дней набежало шесть, а за 1952 год, который был високосным, еще один; таким образом, полностью завершилась семидневная неделя, и 1955 год опять начался с того же дня, что и 1949-й. Подобное совпадение будет иметь место и в других случаях, когда между тем или иным годом накопится количество дней, кратное семи.

Подмеченная читателем закономерность имеет и некоторое практическое значение: она дает возможность определять, словно по своеобразному «вечному календарю», в какие дни недели произошли минувшие события и ожидаются будущие. Возьмем такой пример. 15 февраля 1961 года произойдет полное солнечное затмение, видимое и в СССР. Определим, на какой день недели оно придется. 15 февраля текущего года был вторник; за шесть лет, 1955—1961-й, накопится шесть дней и за високосные 1956-й и 1960-й — еще два, а всего восемь; присчитав их «вперед» ко вторнику, установим, что затмение произойдет в среду.

Любители подобных расчетов могут на досуге проверить свое знание календаря, в частности чередование високосных годов (1900 год, например, по новому, ныне действующему стилю не был високосным), и определить день любого события, как давно прошедшего, так и будущего.

— Почему вы так мало используете механизацию?
— Как мало? Разве вы не видите?..

Рисунок В. Кащенко.

ПОДАРОК ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ИНДИИ

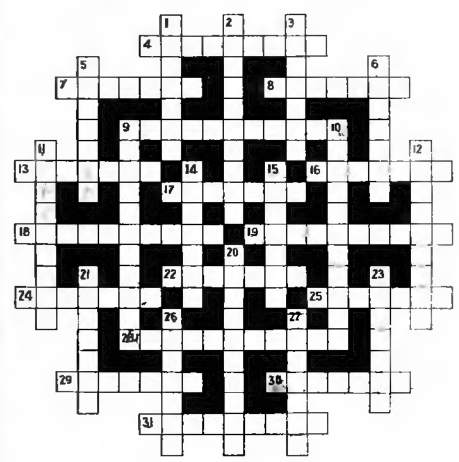
Жеребец Колос перед погрузкой на судно в Одесском порту.
Фото Ю. Владимирского.

23 сентября в Бомбей прибыл черноморский пароход «Тарас Шевченко». На его палубе была огорожена забором небольшая площадка, на которой оборудовано стойло для жеребца Колоса.

Главный комитет ВСХВ и Министерство совхозов СССР преподнесли эту лошадь премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру в память посещения им выставки во время пребывания в Советском Союзе.

Колос выращен на Терском конном заводе, где он родился в 1951 году. Это темнорыжий чистокровный племенной жеребец арабской породы. По высоким показателям породы Колос был направлен на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где ему присудили аттестат 1-й степени.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Прибор, в котором поддерживается постоянная температура. 7. Географический термин. 8. Часть линии. 9. Цветок. 13. Архитектурное сооружение. 16. Взрывчатое вещество. 17. Русский путешественник, побывавший в Индии. 18. Завершение, осуществление. 19. Любовь к родине. 22. Вид ассигнований. 24. Карлик. 25. Химический элемент. 28. Лечебное учреждение. 29. Город на Волге. 30. Часть радиоустановки. 31. Офицерское звание.

По вертикали:

1. Клапан в некоторых механизмах. 2. Рабочая профессия. 3. Крупная дробь. 5. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 6. Русская народная сказка. 9. Стечение обстоятельств. 10. Русская плясовая песня. 11. Трижды Герой Советского Союза. 12. Декоративное растение. 14. Русский мореплаватель. 15. Вещество, необходимое для организма. 20. Русский композитор. 21. Оратор, писатель и политический деятель древнего Рима. 23. Один из центров металлургии в Китайской Народной Республике. 26. Южный плод. 27. Перевозка грузов без перегрузок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

5. Контрабас. 8. Победоносиков. 12. Паводок. 14. Велебит. 15. Дорохов. 16. Дели. 17. Тура. 18. Кубок. 19. «Льгов». 20. Ядро. 22. Омск. 23. Стратег. 25. Просека. 26. Рубанок. 27. Гидроизоляция. 30. Пятигорье.

По вертикали:

1. Полевод. 2. Утро. 3. Саго. 4. Татищев. 6. Боровиковский. 7. Повествование. 9. Насос. 10. Календарь. 11. Микроскоп. 13. Когорта. 14. Вольтер. 21. Наказ. 23. Скорняк. 24. Гулянье. 28. Ирис. 29. Онон.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций акварелей В. С. Климашина и четыре страницы цветных фотографий.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04686. Подп. к печ. 27/IX 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 788. Заказ 2445. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В. П. Высоцкий. Ленинград. Памятник великому русскому мореплавателю Крузенштерну.

Ленинградский порт. «Обь» готова к выходу в море.

Цена номера 3 руб.